

В. 387258

63.1

к756

Г. Н. КОЧЕШКОВ

Теоретико-
методологические
взгляды

Н. А. Рожкова

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского»

Г. Н. Кочешков

**Теоретико-методологические взгляды
Н. А. Рожкова**

Ярославль
2008

УДК 930::1;930.2
ББК 63.1(2)6-8
К 756

Печатается по решению редакционно-
издательского совета ЯГПУ им.
К.Д.Ушинского

Кочешков Г. Н.
К 756 Теоретико-методологические взгляды Н. А. Рожкова [Текст]:
монография. – Ярославль. Изд – во ЯГПУ, 2008.- 96 с.

Рецензенты:

В. Г. Кошкидько, доктор исторических наук, профессор;
В. П. Федюк, доктор исторических наук, профессор

Монография доктора исторических наук Г. Н. Кочешкова посвящена известному отечественному историку XX века Н. А. Рожкову.

В центре внимания автора – малоизученные аспекты научной деятельности ученого, его теоретико-методологические воззрения, концептуальные построения, своеобразное видение исторического прошлого России, а такие взгляды Н. А. Рожкова на технологию обучения и методику преподавания истории в средней школе.

Книга предназначена для профессиональных историков, аспирантов и студентов исторических факультетов.

УДК – 930::1;930.2
ББК 63.1(2)6-8

Работа выполнена в рамках научных исследований по тематическому плану Рособразования РФ «Теоретико – методологические основы высшего профессионального исторического образования».

ISBN 978-5-87555-510-7

© ГОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»,
2008

© Г. Н. Кочешков, 2008

Предисловие

Среди исследователей русской истории видное место принадлежит Николаю Александровичу Рожкову (1868-1927). Он был не только известным историком, но и активным политическим деятелем, социологом, психологом, философом, талантливым педагогом, продолжившим славные традиции московской исторической школы.

Историк и политик сосуществовали в Рожкове органично, несмотря на сосредоточенность в отдельные периоды жизни на научной или политической деятельности. Свойства его личности – способность широко мыслить, синтезировать и научно анализировать исторический материал и современные события жизни – предопределяли яркое проявление качеств историка и политика.

В советской историографии творческое наследие Рожкова, так же как и политическая деятельность, оценивались с позиций официальной идеологии, классовой борьбы. Политические обвинения в его адрес как не порвавшего с меньшевизмом распространялись и на научные труды историка. Вклад Рожкова как ученого не получил объективной оценки.

Критический анализ научного мировоззрения Н.А. Рожкова ограничивался по преимуществу оценкой его политических взглядов; установлением связи между ними и его историческими построениями; выявлением несостоятельности его периодизации исторического процесса с точки зрения марксистско-ленинского учения о формациях. Историки-марксисты клеймили Рожкова за то, что он якобы отрицал основной принцип исторического материализма – диалектику развития. Вместо единого процесса развития общественной жизни, обусловливаемого внутренней борьбой противоречий, Рожков, по их словам, дает последовательную эволюцию одного лишь ряда экономических явлений, взятого в условной классификационной изолированности. Прочие явления рассматриваются историком в виде параллельных рядов, без реальной внутренней обусловленности. Таким образом, движущие силы исторического развития в теоретических

построениях Н.Рожкова не ясны, а саму проблему закономерности ученый сводит к простому констатированию повторяемости исторических явлений в «сравнительно-историческом освещении».¹ Стремления найти позитивные моменты в его историко-социологической концепции не наблюдалось.² Между тем, социологический метод исследования истории, предложенный Н.А. Рожковым, достоин тщательного изучения. Необходимо заново и всесторонне оценить теоретико-методологические основы исторической концепции ученого.

Научные взгляды Рожкова складывались в сложное и противоречивое время. Ломалась не только внешняя сторона жизни - происходила смена коренных философских, мировоззренческих, идеологических основ общественного бытия. В условиях идейного кризиса, поиска выхода из концептуального тупика происходило размежевание научных сил. Одни переходили к марксизму, к историко-материалистической методологии, другие, в том числе и Н. А. Рожков, пытались реализовать философскую концепцию «критического позитивизма».³ Но, в отличие от представителей данного философского направления, Рожков признает закономерность исторического процесса. Резко отличает историка от позитивизма и признание необходимости изучения наукой причинной связи явлений. Во взглядах Рожкова отсутствует подчиненность развития общества этапам эволюции науки, свойственная позитивистам.

В данной работе мы попытаемся всесторонне изучить теоретико-методологические воззрения Н.А.Рожкова на протяжении всей его научной деятельности.

¹ Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н. Л. Рубинштейн. - М., 1941. - С. 567 – 568.

² Волобуев, О.В. Вопросы социальной психологии в трудах Н.А. Рожкова [Текст] /О.В.Волобуев //История и психология. - М., 1971.

³ Тарасова, Н.Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова (по работам 1893 – 1907 гг.) [Текст] / Н.Н.Тарасова // Очерки истории исторической науки в СССР. - М., 1963. - Т.3.

Глава I. Становление Н. А. Рожкова как профессионального историка

Н. А. Рожков родился 24 октября 1868 г. в г. Верхотурье Пермской губернии в обедневшей дворянской семье. Его отец был учителем уездного училища, а затем инспектором народных училищ в Екатеринбурге. Традиции в семье, по словам Рожкова, были «консервативные, самодержавные и православные»¹. С ранних лет мальчик увлекся историческим чтением. Будучи гимназистом, он прочел Бокля, концепция которого об исторической закономерности общественного развития сыграла важную роль в будущей профессиональной деятельности Рожкова². Еще большее воздействие на формирование его исторического мировоззрения оказали труды Д. И. Писарева, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, представителя позитивизма Г. Спенсера и пропагандиста экономического учения К. Маркса Н. И. Зибера.

Окончив в 1886 г. гимназию, в том же году Н. А. Рожков поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. Значительные успехи, которых добился университет в учебной и научной работе, его огромный вклад в развитие русской и мировой культуры и науки превратили его в один из важнейших в стране центров борьбы за передовую науку. В стенах университета были сосредоточены лучшие научные силы российского общества. Во второй половине XIX – начале XX века Московский университет становится местом деятельности многих выдающихся ученых, труды которых составляют гордость русской и мировой науки. Достаточно сказать, что в этот период в университете работали К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, В. А. Ковалевский, А. Г. Столяров, Н. Е. Жуковский, В. И. Вернадский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и многие другие выдающиеся ученые.

¹Памяти Николая Александровича Рожкова [Текст]: сб. ст. - М., 1927. - С. 7.

²Там же.

Московский университет, остававшийся до начала XIX в. единственным университетом в стране, играл важную роль в распространении просвещения и подготовке научных кадров. С его именем связаны основание значительного числа научных и культурно-просветительных обществ, музеев, выставок, организация научных экспедиций. Ученые университета систематически выступали с научно-популярными статьями, публичными лекциями, оказывали действенную помощь Пречистинским рабочим курсам, Высшим женским курсам. Деятельность передовых ученых университета представляла собой блестящий образец популяризации научных знаний. Московский университет славился фундаментальной подготовкой специалистов высшей квалификации.

Рабочий день студентов отличался большой напряженностью. Так, на историко-филологическом факультете предметы распределялись по курсам следующим образом:

На I курсе - статистика (2), теория русской народной поэзии (2), история общей литературы (1), история древней русской литературы (2), греческая словесность (2), греческий язык (2), латинский язык (6); всего в неделю студенты занимались 20 часов.

На II курсе - славянские наречия (5), статистика (2), политическая экономика (2), логика и философская пропедевтика (2), история общей литературы (1), история русской народной поэзии (2), греческая словесность (2), греческий язык (2), история новой русской литературы (2), русская история (2), всеобщая история (4), латинский язык (4); всего на II курсе в неделю было 30 часов занятий.

На III курсе также было 30 недельных часов в обоих семестрах со следующим распределением по предметам: греческий язык (4), история греческой литературы (1), славянские наречия (5), история философии (2), латинский язык (5), история общей литературы (1), история новой русской литературы (2), русская история (2), история Средней Европы (1), всеобщая история (4), история римской литературы (1) и греко-латинский семинарий (2).

На IV курсе историко-филологического факультета всего было 10 предметов с общей недельной нагрузкой в 27 часов:

русская история (4), греческий язык (4), история греческой литературы (1), славянские наречия (5), история философии (2), латинский язык (5), история общей литературы (1), история новой русской литературы (2), история Средней Европы (1), греко-латинский семинарий (2)¹.

Специализация на историко-филологическом факультете начиналась только с IV курса; при этом студенты подразделялись на 3 отделения: классическое, славяно-русское и историческое. На самом деле, как это видно из учебного плана, преподавание было подчинено задачам классического образования и лишь отчасти - подготовке учителей русского языка и русской литературы.

Обучение в университете было платным. Согласно университетскому уставу 1884 г., плата за обучение была установлена в следующих формах: «С каждого студента и постороннего слушателя взимается за слушание лекций и за участие в практических занятиях: 1) в пользу университета по 5 руб. за каждое полугодие, 2) особая плата в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых студент или слушатель желает пользоваться, в размере применительно к норме одного рубля за недельный час в полугодие». Кроме того, на основании 79 статьи устава университета каждый студент должен был вносить перед экзаменом в правительственных комиссиях 20 рублей². С 1885 по 1887 год общая плата за обучение выросла с 50 до 87 рублей, а в 1890 году поднялась до 100 рублей³.

На историко-филологическом факультете Московского университета в 80-е годы XIX в. преподавали такие известные профессора, как В. О. Ключевский, В. И. Герье, литературовед А. Н. Веселовский и др.

Лекции по русской истории В. О. Ключевского посещали многие студенты юридического, физико-математического и медицинского факультетов. Популярность В.О.Ключевского

¹ История Московского университета [Текст]. - М., 1955. - Т. 1. - С. 264.

² Там же. - С. 272.

³ Там же.

среди студентов была невероятно высока. Несмотря на поистине энциклопедические знания, ученый никогда не прекращал работы над своими лекциями, из года в год улучшая их текст, тщательно отделявая каждую мысль, каждое выражение. Обладая прекрасной памятью, Ключевский хорошо запоминал текст лекции и, читая ее на память, умело пользовался тончайшими интонациями голоса, владел искусством полностью подчинять себе внимание аудитории. Популярности ярких лекций Ключевского способствовали в значительной степени также его остроумные и меткие афоризмы и крылатые словечки.¹

За время тридцатилетнего пребывания Ключевского на кафедре русской истории Московского университета определилась «Московская университетская школа», или «школа Ключевского», занявшая ведущее положение в русской науке. К этой школе принадлежали ближайшие ученики Ключевского, начавшие научно-преподавательскую деятельность в Московском университете с 80-90-х годов, – М. М. Богословский, М. К. Любавский, П. Н. Милкоков. Из этой же школы вышли А. А. Кизеветтер, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин и др. Своим учителем считал В. О. Ключевского и Н. А. Рожков. Общение с ним определило не только интерес юноши к истории России, но и подход к ее изучению как к внутренней органической эволюции человеческого общежития, связанной с общими закономерностями исторического процесса.

Студенческие годы были наполнены активной общественно-политической деятельностью Рожкова; за участие в студенческих беспорядках он получил выговор с внесением в «штрафную книгу».¹ По окончании университета будущий ученый в течение 1891-1897 гг. преподавал древние языки в Пермской гимназии.²

В 1896 г. молодой исследователь выдержал магистерский экзамен по русской истории в Московском университете и с 1898 по 1906 г. преподавал на историко-филологическом факультете в должности приват-доцента.

¹ Горелов, И.Е. Рожков Николай Александрович [Текст] / И.Е. Горелов // Историки России. Биографии. - М., 2001. - С. 455.

² Там же.

Первая научно-литературная работа Н. А. Рожкова - «Опыт объяснения основной идеи трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» - вышла в Перми в 1893 г. Надо отметить, что вопросы культуры занимали видное место в его творчестве. В 1899 г. им была успешно защищена магистерская диссертация «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». Официальными оппонентами на защите выступили В.О. Ключевский и А. А. Кизеветтер, которые дали высокую оценку работе. Общая концепция русской истории в исследовании шла у Рожкова от Ключевского и через Ключевского примыкала к юридической школе, к государственной теории русской истории¹, хотя некоторые исследователи творчества Н. А. Рожкова считали, что это сочинение сыграло значительную роль в изменении теоретико – методологических взглядов ученого, способствуя переходу его на марксистские позиции.²

В том же году диссертация была опубликована в виде монографии и представлена на соискание Уваровской премии Академии наук. В. О. Ключевский написал содержательную и всесторонне аргументированную рецензию на данную работу. Признав большой заслугой Рожкова то, что он собрал обильный и разнообразный архивный материал по Московской Руси, Ключевский тем не менее подвергнул критике отдельные фрагменты исследования. Так, он выразил сомнение в достоверности такого вида источника, как писцовые книги XVI века, упрекнув автора в отказе от критического обзора источниковой базы, что приводило в ряде случаев к неверным выводам, сделанным в монографии. Несмотря на высказанные замечания, В. О. Ключевский в целом высоко оценил работу Н. А. Рожкова, назвав ее «серьезным научным трудом», и рекомендовал присудить автору Уваровскую премию³. Заслугой

¹Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н.Л. Рубинштейн. - М., 1941. - С.561.

²Мороховец, Е. Н.А. Рожков [Текст] / Е.Мороховец //Вестник просвещения. - 1927. - №3. - С. 118.

³Ключевский, В.О. Академический отзыв об исследовании Н. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» [Текст] /

Рожкова является обстоятельное освещение сущности земледельческого кризиса второй половины XVI в., основными причинами которого автор считал разрушение системы земледелия, сокращение крестьянской запашки, значительное уменьшение населения и постепенно усиливающееся преобладание поместного и монастырского владения. Два последние вида земельной собственности Н. А. Рожков классифицирует как «вредные в сельскохозяйственном отношении»¹.

В 1902 г. он публикует очередной труд «Город и деревня в русской истории». В книге анализируется экономическая история страны с древности до конца XIX в. При этом исследователь устанавливает известную последовательность рассмотрения и вместе с тем определенную иерархию, то есть внутреннюю обусловленность между элементами, из которых складывается общественная жизнь, – экономические вопросы, социальное устройство, политический строй². Экономический фактор у Рожкова играет определяющую роль в системе общественных явлений. Не способ производства и система производственных отношений, а отрасль хозяйства становится основным элементом общественного строя. На первый план он выдвигает вопрос «об относительном значении в данное время каждой из четырех главных отраслей народного производства, добывающей промышленности, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли»³. «Экономический детерминизм» Н.А. Рожкова явился основанием для зачисления его в разряд представителей так называемого «экономического материализма».

В.О.Ключевский // Отзывы и ответы. Третий сборник статей В. Ключевского. - М., 1914. - С. 481.

¹ Рожков, Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. [Текст] / Н.Рожков. - М., 1899. - С. 455.

²Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н.Л. Рубинштейн. - М., 1941. - С. 564.

³Рожков, Н. А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России) [Текст] / Н.А. Рожков. - М., 1904. - С. 7.

Тематика работ Рожкова тех лет свидетельствует о значительном разнообразии его профессиональных интересов. Помимо уже отмеченных научных исследований, он пишет труды, затрагивающие широкий спектр проблем русской истории XV – XIX вв. (в том числе знаменитый «Обзор русской истории с социологической точки зрения»); занимается публицистикой, вопросами социальной психологии, работает над учебниками для школ и гимназий, методикой преподавания истории.

В 1903 г. вышла первая часть «Обзора русской истории с социологической точки зрения». Монография не была закончена автором: в течение 1903 – 1905 гг. вышло три выпуска, которые охватывают первые два из намеченных им периодов русской истории (от VI до середины XVI в.). Впоследствии исследование в переработанном виде легло в основу первых томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». В своем «Обзоре» Рожков показывает, как на почве определенных хозяйственных условий складываются социальные отношения, формируется политический строй, вырабатывается идеология, возникают характерные для своего времени психологические типы. В самом заглавии определился научный интерес автора: «социологическое направление указывало на позитивизм Конта и его учение об обществе»¹. Выступив с критикой неокантианства и, в частности, философии истории Виндельбанда – Риккерта, он, пытаясь еще в 1898 г. подойти к обоснованию своих теоретических позиций, оказался ближе всего к «психологической школе в социологии», представленной Гумилевичем, Гиддингсом, Уордом и др.

Милль, по мнению Рожкова, «внес в классификацию Конта единственную поправку, в какой она нуждалась: между физиологией и социологией он поставил психологию». «Согласно принципу, на котором построена классификация, - рассуждает историк, - явления, изучаемые каждой наукой, слагаются из совокупного действия явлений, рассматриваемых всеми науками, предшествующими ей иерархически... Социологические явления должны объясняться суммой всех

¹Рубинштейн, Н. Л. Указ. соч. - С. 562.

других фактов, подлежащих научному исследованию, но главным образом тут имеют значение явления психологические, так как психология – наука, занимающая ближайшее место в классификации».

Предреволюционный подъем общественного движения связал Рожкова с марксистской печатью. Он публикует статьи в журналах «Научное обозрение», «Образование», «Мир божий», «Жизнь», читает публичные лекции, сборы от которых идут в пользу РСДРП. По предложению М. Н. Покровского Рожков был избран председателем исторического отделения Педагогического общества при Московском университете¹.

Одновременно с работой в обществе Н. А. Рожков принимает деятельное участие в созыве первого московского нелегального съезда учителей, имевшего целью организацию всероссийского учительского союза.

В начале 1905 г. Рожков вступил в ряды РСДРП; он стал членом литературно-пропагандистской группы при Московском комитете. Ученый и общественный деятель, Рожков тяжело переживал поражение первой русской революции. В статье «Текущий момент» он писал: «Кровь петербургских рабочих окончательно смыла румяна и белила, прикрывавшие старческие морщины старого режима, и так сильно революционировала массы, что между их настроением до и после 9 января легла целая бездна»².

Рожков участвовал в подготовке проектов резолюций V съезда РСДРП, как делегат съезда был избран членом ЦК партии от большевиков, а также вошел в состав большевистского центра, созданного ленинской фракцией. После съезда представлял ЦК РСДРП в III Государственной Думе, был членом Русского бюро ЦК, работавшего в подполье. В годы первой революции отчетливо проявились разногласия Рожкова с большевиками по аграрному вопросу.

Идеологические воззрения ученого представлены в целой серии публицистических работ по различным вопросам

¹Горелов, И.Е. Указ. соч. - С. 456.

²Рожков, Н. А. Исторические и социологические очерки [Текст]: сб. статей / Н. А. Рожков. - М., 1906. - Вып. 1. - С. 177.

общественной жизни, среди которых выделяются брошюры «Капитализм и социализм» и «Судьбы русской революции». Первая написана с социалистических позиций и популярно рассказывает об основных чертах капитализма, социализма и путях смены одной формации другой. Во второй автор попытался осмыслить события первой русской революции и спрогнозировать развитие революционного процесса в стране¹. В своих рассуждениях Рожков опирается на научную теорию, допуская, однако, что может ошибаться в ее понимании и применении². (Под научной теорией автор понимал научный социализм. Термин «марксизм» Н. А. Рожков не употреблял и не принимал).

В апреле 1908 г. Рожков был арестован и привлечен к суду по делу Московской организации РСДРП. Он провел 25 месяцев в тюрьме, а затем сослан в Иркутскую губернию на поселение с лишением гражданских прав. Но и в этих суровых условиях Н. А. Рожков продолжал революционную деятельность: участвовал в редактировании печатных газет и журналов, писал статьи, в которых призывал к созданию легальной рабочей партии, что вызывало раздражение у правительства.

Историческая наука привлекала Н. А. Рожкова и в годы революционных потрясений. В 1906 г. он издает монографию «Происхождение самодержавия в России», где, развивая ранее высказанные в магистерской диссертации мысли, утверждал, что «основной причиной установления самодержавия является в конечном счете зарождение и первоначальное развитие денежного хозяйства с обширным рынком»³.

Надо отметить, что у Рожкова, как и у других «экономических материалистов», развитие обмена играло значительную роль в историческом процессе, даже большую, чем развитие производительных сил общества. «Давно и хорошо

¹Тарасова, Н.Н. Указ. соч. - С.261.

² Рожков, Н.А. Судьбы русской революции [Текст] / Н.А. Рожков. - СПб., 1907. - С. 4

³Рожков, Н.А. Происхождение самодержавия в России [Текст]. 2-е изд./Н.А.Рожков. - Пг., 1923. - С. 150.

известно, - утверждал историк, - что степень развития менового оборота хозяйственных благ является основным признаком, характеризующим самые крупные перемены в экономическом строе»¹. Эта черта исторических взглядов Рожкова характерна не только для его монографий и статей, посвященных частным проблемам, но и для его общей концепции русской истории².

Русская революция частично изменила философско-исторические взгляды Н. А. Рожкова. В 1906 г., переиздавая статьи, посвященные психологии характера и социологии, он исключил из них места, в которых говорилось о превосходстве психологического объяснения истории над «экономическим материализмом». Он признавал, что «психология известной общественной группы определяется ее классовым положением» и изменяется «под влиянием реальных, в конечном счете, всегда хозяйственных условий»³. В вышедшей в 1907 г. книге «Основные законы общественных явлений» Рожков писал, что «психологический склад общества, т. е. существующие в обществе типы и характеры, слагаются под воздействием хозяйственных явлений, устройства общества и государственного строя»⁴. Это положение значительно отличалось от высказанных им за несколько лет до первой русской революции идей о необходимости объяснять историю законами психологии.

Однако и в этот период Рожков расходился с марксизмом в истолковании явлений культурной жизни или, как он сам выражался, общественно-психологических явлений. Он не принимал марксистское понятие классовой идеологии и классовой культуры в антагонистических обществах, предпочитая вести разговор о различных психических типах, характерных для каждой исторической эпохи. Л. Б. Каменев

¹Рожков, Н.А. Исторические и социологические очерки [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1906. - Ч.1. - С. 103.

²Шапиро, А.Л. Историография с древнейших времен до 1917г. [Текст] / А.Л.Шапиро. - М., 1993. - С.714.

³Рожков, Н.А. Исторические и социологические очерки [Текст]. - С. 184

⁴Рожков, Н. Основные законы развития общественных явлений [Текст] / Н.Рожков. - М., 1907. - С. 42.

оценил позицию Н. А. Рожкова как вредную; Г. Е. Зиновьев просил его не доводить дело «до войны». К письму Зиновьева сделал добавление и Ленин, в котором давал отрицательную оценку меньшевикам-ликвидаторам, в том числе и Рожкову¹.

Но менять свои взгляды ученый и политик не собирался. В журнале «Наша заря» он публиковал статью «Современное положение России и основные задачи рабочего движения в данный момент». По мнению автора, эти задачи сводились к замене хищнического капитализма культурным, к созданию открытой и широкой политической рабочей организации. Рожков призывал создать «Общество защиты интересов рабочего класса», считая, «что время драки отошло»².

Крайне негативную оценку получила у Рожкова работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Он писал, что в этой книге «смешиваются две точки зрения – наивный реализм и научный материализм. Терминология автора явно устарела: термин «материя», «диалектический метод» имеют для него значение священного завета, который надо сохранить во что бы то ни стало»³.

Весть о февральской революции застала Рожкова в Новониколаевске, где он вскоре стал товарищем (заместителем) председателя революционного комитета. В марте 1917 г. он приезжает в Москву, где принимает активное участие в создании объединенной организации РСДРП и Лиги аграрных реформ. 8 апреля в газете «Вперед» он осудил как контрреволюционную «захватную тактику большевиков». В своих статьях и выступлениях Рожков настойчиво пропагандировал идею объединения большевиков с меньшевиками⁴. В мае он дал согласие занять пост товарища министра почт и телеграфов в первом коалиционном составе Временного правительства. Одновременно Н. А. Рожков участвует в работе Лиги аграрных реформ, где шло обсуждение проекта крестьянской реформы.

¹ Горелов, И.Е. Указ. соч. - С. 457.

² Наша заря [Текст]. - 1911. - №9-10. - С. 31-33.

³ Рожков, Н.А. Основы научной философии [Текст] / Н.А. Рожков. - СПб., 1911. - С. 81.

⁴ Горелов, И.Е. Указ. соч. - С. 457.

Рожков был противником безвозмездной конфискации частной земельной собственности. Этот шаг, как считал ученый, мог привести к смуте среди крестьян – покупателей земли. «Увидев, что теперь помещичьи земли берутся даром, они могут потребовать, чтобы и им вернули заплаченные ими деньги... если взять помещичьи земли даром, то будет совершена несправедливость: у части богатых людей, именно у тех, которые владеют землей, их достояние будет отобрано, а у людей, богатых капиталами, ничего взято не будет»¹.

4 августа 1917 г. Рожков, будучи не согласен с политикой Временного правительства, вышел в отставку. Он открыто осуждал кабинет министров за развязывание террора и организацию июньского наступления на фронте, которое принесло огромный вред революции. В конце августа 1917 г. на Объединительном съезде РСДРП Рожков был избран членом ЦК. В этот же период времени он опубликовал ряд популярных брошюр по наиболее острым политическим вопросам, среди которых выделяются работы «Демократическая республика», «Экономические и социальные задачи революции», «Временное правительство и Учредительное собрание». Н. А. Рожков считал, что в условиях России наилучшей формой государственного устройства является демократическая республика. В то же время он был противником федеративной республики, поскольку за этой формой объединения «скрывается господство богатых классов»².

Захват власти большевиками Рожков оценил как антидемократический переворот, однако вместе с меньшевиками Ю. Мартовым и Ф. Даном он выступал против вооруженной борьбы с большевиками. Свое отношение к большевикам Рожков выразил в предисловии к книге «Октябрьский переворот». Главную причину победы радикального крыла русской социал-демократии он видел в «некультурности, малосознательности,

¹ Рожков, Н. Как должно распорядиться землей Учредительное собрание [Текст] / Н.Рожков. - М., 1917. - С. 8.

² Рожков, Н. Демократическая республика [Текст] / Н.Рожков. - М., 1917. - С. 113.

стихийности масс»¹. Историк утверждал, что первые большевистские декреты носили декларативный, пропагандистский характер, а обещание мира было «демагогической шумихой»; он осуждал большевиков за разгон Учредительного собрания. Развязанный большевиками террор вызывал у него резкое неприятие: «террор имеет свою внутреннюю логику: раз начатый, он уже не может быть прекращен и развивается последовательно, пока не приведет террористов на край гибели»².

Но не только политика интересовала Рожкова. Он продолжал заниматься научной и педагогической деятельностью. В 1918 – 1922 гг. Рожков был ректором Второго педагогического института Петрограда (ныне это Российский государственный педагогический университет имени А.И.Герцена). В Педагогическом институте он читал лекционные курсы по общей истории России, методике преподавания истории, истории народного хозяйства, руководил семинарскими занятиями студентов. Методические построения Н.А.Рожкова и М.Н. Покровского, по мнению Н.М.Дружинина, составляли в середине 20-х годов «основу исторического образования в высшей школе»³.

Свой огромный педагогический опыт Н. Рожков попытался передать учителям, опубликовав «Методику преподавания истории». Данный труд представляет собой цикл лекций, прочитанных им в 1918 г. на сентябрьских педагогических курсах в Петрограде.

В предисловии к курсу Н. Рожков делает несколько важных предварительных замечаний. Методику преподавания любой науки он сравнивает с искусством, настаивая на том, что обучение учащегося невозможно представить в виде готовых рецептов, правил, наставлений. «Кто так смотрит на методику и на педагогическое дело, тот – человек безусловно безнадежный в

¹Октябрьский переворот. Документы и факты [Текст]. - Пг., 1918. - С. 56.

²Там же. - С. 29, 32

³Дружинин, Н. М. Воспоминания и мысли историка [Текст] / Н. М. Дружинин. - М., 1979. - С. 38.

педагогическом отношении».¹ По представлениям Н. Рожкова, методика преподавания должна строиться, прежде всего, на принципе свободного творчества. Он не отрицает, что методы передачи знаний от одного лица другому могут быть разнообразны в зависимости от целого ряда обстоятельств и условий: цели преподавания истории, контингента учащихся, личности преподавателя и пр.

Анализируя совокупность данных условий, Н. Рожков особое внимание обращает на цель преподавания истории. Критикуя так называемый «государственный» подход к истории за его стремление «обслуживать» интересов господствующих слоев, Рожков замечает, что данный взгляд на историческую науку вреден, ибо приводит к тому, что «преподаватель должен, верит он или не верит в определенную политическую доктрину, служить этому строго, обязан, в угоду ему, сплошь и рядом искажать те научные взгляды, которые господствуют в настоящее время. При этом преподаватель лишается одного из основных условий, которые для него обязательны, - искренности, убежденности, и благодаря этому он часто становится перед своими учениками в совершенно ложное положение, что отымает у его личности всякий моральный авторитет».² Очень жесткое заявление, но это слова ученого, убежденного в своей правоте.

Н. Рожков выделяет три цели исторического образования: 1) изучение закономерности общественных явлений, законов развития человеческого общества; 2) изучение приемов и методов исторической критики; 3) обучение учащихся пониманию проблем современности с исторической точки зрения.

В истории, в общественной жизни повторяемость, сходство есть такой же закон, как и в жизни природы и в естествознании. Поскольку история есть такая же наука, как и естествознание, может быть даже «более сложная», по убеждению Рожкова, то «мы можем и должны изучать причинную связь явлений, закономерность».³

¹Рожков, Н. Методика преподавания истории и история XIX века [Текст] / Н.Рожков. - Пг., 1918. - С. 1.

²Рожков, Н. Методика преподавания истории [Текст]. - С. 8.

³Там же. - С. 13.

Обучение методике работы с источником позволяет сформировать у учащихся самостоятельное, критическое мышление. По образному выражению Н.Рожкова, нам не нужны «ни насвистанные снегири, ни попугаи, которые бессознательно повторяют какие-нибудь сакраментальные формулы и изречения, как бы они прекрасны ни были, потому что мы знаем, что все эти формулы, если они не усвоены вполне, являются лишь пустыми словами, за которыми нет никакого реального содержания. Мы должны, поэтому, приучить наших учеников критически относиться ко всякого рода явлениям жизни, которые они наблюдают».¹ К жизни надо, подчеркивал историк, «относиться сознательно, самостоятельно, не веря на слово никаким авторитетам, а лишь доверяя своему собственному светлому разуму, который должен работать, настойчиво проверяя все авторитеты».²

Историческая критика разрушила один из вреднейших для науки предрассудков, а именно теорию о непрерывности и прогрессивности исторического развития. Анализируя историю Смутного времени, Н. Рожков подвергает сомнению выводы историков о том, что социальные движения были в высшей степени прогрессивным явлением. Соглашаясь с тем, что восстание Болотникова было вызвано ухудшением положения народных масс в Смутное время и являлось своеобразной формой социального протеста, ученый в то же время считает, что по своим целям оно было реакционным, ибо участники этого движения желали возврата назад, «к тем временам и порядкам отношений, которые существовали в казачестве раньше..., к тому положению, в котором находилась Россия в Киевский период».³

Комментируя третью цель исторического образования – формирование у учащихся умений и навыков исторического анализа, Н.Рожков предостерегает от попыток субъективного подхода к изучению исторических событий: «мы должны научить наших учеников так, чтобы каждый раз как они встречаются с каким-нибудь явлением текущей жизни, окружающей

¹ Рожков, Н. Методика преподавания истории. - С. 15.

² Там же.

³ Там же. - С. 23.

действительности, общественной, политической, государственной, духовно-культурной жизни, чтобы они могли дать себе отчет, в какой мере данное явление представляет собою отголосок прошлого, результат прежнего исторического развития, перенесенный в новую, данную эпоху, в современность».¹ Только объективный, непредвзятый анализ исторического процесса поможет ученикам осознать место исторических знаний в окружающем нас мире: «когда учащиеся, руководствуясь указаниями учителя, придут к необходимости исторического анализа окружающей действительности, они без труда убедятся в том..., что то, что часто кажется новым, собственным изобретением наших современников, по крайней мере на 90 % создано историей и не только ближайшей, но часто и очень древней, старинной».²

Н. Рожков высказывает убеждение в том, что не следует оценивать деяния исторических личностей с позиции нравственности, морали. «Всякий общественный деятель, в какой бы отрасли жизни ни проявлялась его работа, не должен получать ни премий за добродетели, ни порицаний за пороки. Его надо просто исторически объяснить, с точки зрения условий того времени. Надо понять те моральные идеалы, которые тогда существовали в данном классе общества... При этом мы должны определить и уровень общественного развития в данный момент и не должны рассматривать данного деятеля с точки зрения нашего времени».³

Руководствуясь положением об органической взаимообусловленности исторических процессов, Н. Рожков в то же время предостерегает учителей от возможности навязывания ими собственной оценки исторического прошлого своим ученикам: «вы должны будете всегда оговариваться, что это ваш личный взгляд, что его не надо принимать на веру. Наша задача не в том, чтобы создать людей, повторяющих нас, а в том, чтобы создать свободных, критически мыслящих людей».⁴

¹Рожков, Н. Методика преподавания... - С. 25.

²Там же.

³Там же. - С. 27.

⁴Там же. - С. 28.

Переходя к вопросу о средствах и приемах преподавания истории, Н. Рожков акцентирует внимание на том, что выбор методик, педагогических приемов зависит от индивидуальных особенностей преподавателя, от состава класса и от целей преподавания. Немаловажное значение имеет и правильный выбор учебника, однако, по глубокому убеждению историка, учебное пособие не должно заменять собой преподавателя. Учебник не должен представлять в своем содержании все то, что являлось содержанием урока. Он должен «содержать в себе только то, что напоминает все сделанное на уроке, дать только тот материал, который надо запомнить, взять просто памятью».¹

Роль преподавателя в учебном процессе нельзя недооценивать. Н. Рожков особо выделяет такие черты учителя, как требовательность, справедливость, объективность. Нельзя признать хорошим того преподавателя, который слишком добр и мягок со своими учениками. Требовательность учителя не нарушает хороших отношений с учащимися; они с «большим уважением относятся к такому учителю, который от них требует серьезных знаний, и они потому даже сами сознаются, что это им приносит пользу, потому что это их отучает от того неряшества, которое вообще свойственно нашей некультурной стране». Н. Рожков обеспокоен тем, что в советских школах уделяется мало внимания воспитанию у учащихся чувства ответственности, порядка. Русскому человеку свойственна халатность, которая не позволяет ему относиться к общественным обязанностям должным образом. В отличие от европейца русский непунктуален, постоянно опаздывает на деловые встречи. Недаром говорят: «англичанин приходит на вокзал за ½ минуты до отхода поезда и успевает выпить в буфете рюмку виски и сесть в поезд, а русский человек придет иногда за 1 ½ часа и все-таки ухитрится опоздать».² В то же время, предостерегает Н. Рожков, урок не должен быть развлечением. Учение – это труд, и для того, чтобы достичь нужных результатов, необходимы определенные усилия. «Корень учения горек»³, - констатирует историк.

¹Рожков, Н. Методика преподавания... [Текст]. - С. 32.

²Там же. - С. 41.

³Там же.

Н. Рожков является сторонником концентрической системы преподавания истории в школе. Весь исторический курс он делит на два концентрира: первый концентр — элементарный курс. Элементарный или первоначальный курс, по мнению ученого, необходимо начинать уже в младших классах, желательно со второго года обучения. Главная цель элементарного курса — дать ученикам известное историческое образование. Учитывая небольшой возраст учащихся, Н. Рожков обращает особое внимание на доступность материала, предложенного детям. В то же время нельзя забывать того, что так как «в истории каждой страны, каждого народа, в сущности, выражается общая историческая закономерность, то незначительное количество времени, которое находится в нашем распоряжении, должно быть посвящено истории отдельной страны, чтобы показать общую историческую закономерность».¹

Роль учителя в начальных классах невероятно велика. Учитель должен обладать не только хорошими знаниями, но и художественным дарованием, чтобы в яркой, повествовательной форме донести до учащихся основные события русской истории. Недостаточно полно и убедительно будет звучать рассказ учителя без характеристик исторических персонажей. При этом необходимо выбирать по преимуществу типичные для той или иной эпохи личности, такие, которые действительно характеризуют психологию данной эпохи. Большое значение в элементарном курсе Н. Рожков придает художественным и литературным иллюстрациям. Если правильно организовать преподавание истории в первом концентре, завершает свою мысль ученый, то эффект от этого курса будет несомненно большой.

Обращаясь к систематическому курсу, Н. Рожков замечает, что невозможно приступить к серьезному изучению истории, минуя так называемые доисторические времена. Исследователи первобытной культуры создали науку палеоэтнологию, которая изучает первобытную культуру. Предваряя изучение истории в старших классах, Н. Рожков предлагает особо выделить два раздела систематического курса: историю первобытного человечества и период состояния дикости.

¹Рожков, Н. Методика преподавания - С. 43.

Только после изучения так называемой предыстории человечества можно приступить к изучению собственно истории.

Методические воззрения Н.Рожкова далеко не бесспорны, но они не только обобщают педагогический опыт учителей-новаторов конца XIX – начала XX века, но и являются отражением собственного практического опыта историка.

В годы гражданской войны Н. А. Рожков осуждал политику «военного коммунизма», проводимую большевиками. Он написал письмо вождю большевиков: «Не могу молчать, наблюдая положение, которое мне кажется отчаянным». Продовольственная политика, основанная на государственном монополизме, заведет страну в тупик. «Нельзя в XX веке превратить страну в конгломерат замкнутых местных рынков... Это - вопиющая нелепость». Рожков обвиняет Ленина в бонапартизме: «Вам надо стать диктатором».¹

Ответное письмо Ленина таинственным образом исчезло из личного архива Рожкова. Лишь недавно оно было обнаружено в Центральном партийном архиве (ныне – РЦХИДНИ). Партийный вождь отмечал, что «свобода торговли при абсолютном недостатке необходимого продукта равняется бешеной, озверелой спекуляцией и победе имущих над неимущими. Не назад через свободу торговли, а дальше вперед через улучшение государственной монополии к социализму». Ответил Ленин и на обвинения в диктаторстве, отвергнув их суждением, что «аппарат стал совсем уже гигантским – кое-где чрезмерным – а при таких условиях «единоличная диктатура» вообще неосуществима, и попытки ее были бы только вредны».² Резко критически высказался Ленин и в отношении свободных выборов: «советская власть против всеобщего, прямого, равного и тайного, то есть против контрреволюционной учредилки». Закончил письмо глава советского правительства такими словами: «История показала, что...без гражданской войны нигде не обойтись, придется интеллигенции придти к позиции помощи рабочим именно на советской платформе».³

¹Родина [Текст]. - 1992. - № 3. - С. 49.

²Там же.

³Там же.

Ленин не простил Рожкову резких высказываний в свой адрес. В марте 1921 г. историк был арестован. На допросе он заявил, что убежден в гибели советской власти, однако вести с ней борьбу не будет. Один из очевидцев рассказал: «Рожков вместе с нами в ночь на 2-е марта был привезен в качестве одного из «заложников» за кронштадтское восстание и вместе с нами несколько дней провел в ожидании смерти». Расправа была предотвращена специальным постановлением ЦК большевиков, решившим «вождей меньшевиков не расстреливать».¹

Через три месяца Рожков был освобожден, но продолжал отстаивать свои взгляды о несогласии с проводимой в стране политикой. Ленин настоял на включении историка в список лиц, высылаемых из Советской России, и 26 октября 1922 г. Политбюро ЦК КП (б) утвердило это решение. Полтора месяца Рожков находился в заключении. Однако 7 декабря 1922 г. в отсутствие Ленина Политбюро отменяет прежнее постановление о высылке Рожкова. Узнав об этом, Ленин выразил решительный протест. В письме Сталину, продиктованному по телефону 13 декабря, он предлагает несколько вариантов решения этого «сложнейшего» вопроса:

«Первое – выслать Рожкова за границу;

Второе – если это не пройдет (напр., по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то тогда не следует никакому публичному обсуждению предавать заявления Рожкова, полученных под принуждением. Тогда надо дожидаться, когда Рожков, хотя бы через несколько лет, сделает искреннее заявление в нашу пользу. А до тех пор я предложил бы послать его, например, в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечить его материально и работой. Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца».² На следующий день Политбюро утвердило второе предложение Ленина.

¹ Социалистический вестник [Текст]. - 1927. - № 4. - С. 11.

^{*} Имеется в виду заявление Рожкова о выходе из меньшевистской партии, опубликованное в 1922 г. в «Известиях ВЦИК».

² Родина [Текст]. - 1992. - № 3. - С. 49.

В январе 1923 г. Рожков прибыл в Псков и оставался там почти полтора года. Местом его работы стал Псковский институт народного образования, вскоре преобразованный в педагогический техникум (ныне это Псковский педагогический университет). Лекции профессора Н. А. Рожкова были невероятно популярны среди слушателей. Одновременно ученый принимал активное участие в деятельности историко-археологической секции губернского общества краеведения, был избран ее председателем. В докладе о перспективах работы секции, прочитанном 10 января 1924 г., Рожков наметил обширную программу исследований по истории местного края. Среди первоочередных задач ученый особо выделял изучение знаменитой Псковской Судной грамоты. Рожков утверждал: «Одним из важных источников истории местного хозяйства – и не одного хозяйства, а всех сторон общественной жизни, – является Псковская Судная грамота. Между тем она почти совсем не разработана... Надо изучить заново и ее состав, и происхождение, и содержание. Кое-что тут сделано в новых работах Михайлова, Богословского и др., из старых исследований в известной книге Дювернуа «Источники права и суд в Древней Руси», но при всем том здесь остается непочатый край работы, – почти вся она впереди».¹

Большой популярностью пользовались платные публичные лекции Рожкова, выручка от которых поступала в пользу общества краеведения. Псковский историк К. А. Иеропольский в одной из своих статей писал, что в городе «скоро оценили организующую краеведческую роль Николая Александровича, лучшим свидетельством чего было то, что его доклады в Пскове привлекали массу слушателей, особенно из учащейся молодежи».²

Для газеты «Псковский набат» (по просьбе редакции – Г. К.) в связи со смертью Ленина Рожков написал воспоминания о вожде большевиков. Позднее историк писал Г. Е. Зиновьеву, что просьбу редакции он выполнил: «Политики тут не было ни грани, а просто личные, очень доброжелательные воспоминания. Но

¹ Рожков, Н. А. Основные задачи изучения истории Псковского края [Текст] / Н.Рожков// Познай свой край! Сборник Псковского общества краеведения. Вып. 1. - Псков, 1924. - С. 6.

²См.: Исторический архив [Текст]. - 2006. - № 2. - С. 4.

местная партийная организация почему-то сочла неудобными мои, с моей подписью, воспоминания, предлагалось подписать «Вячеслав» (один из дореволюционных партийных псевдонимов Рожкова – Г. К.), ни я, ни редактор на это не пошли, и воспоминания не появились в газете. Подлинную рукопись их я отослал в Ленинградское ГПУ по просьбе оттуда». ¹ В 2006 г. журнал «Исторические архивы» опубликовал документ, хранящийся в Государственном архиве новейшей истории Псковской губернии, под названием «Мнение меньшевика Н. А. Рожкова о смерти Ленина». Вот отдельные выдержки из этого архивного документа: «Проф. Рожков называет Ленина величайшим мечтателем, который своей мечтой сумел заразить русский пролетариат и часть пролетариата Запада. Для России Ленин является величайшей культурной силой, продолжателем Петра I в деле слияния «русского муравья» с западной культурой. Русский крестьянин, победивший лес, степи, кочевников и т. д., проделал величайшую работу на свете, но благодаря громадности этой работы, отстал в развитии, не выработал себе индивидуальной физиономии и остался муравьем, который побеждает только стадом... При Ленине Россия впервые выходит из стадии ученичества по отношению к Западу и становится с ним на равную ногу... Он держит в страхе всю Европу и вместе с тем старается подчинить себе весь Восток, завершая историческое дело развития России, которое может расцвести только соприкасаясь с Великим океаном и Индией... Кто займет место Ленина? Очевидно, возместить потерю никто не может. Все совлавы сравнительно бездарные люди и односторонние. Есть между ними хорошие военные, теоретики, чиновники, но государственных людей нет. Единственный человек, который может заменить Ленина, это Бухарин, но у него нет ленинского авторитета и закаленности, он больше ученый, чем администратор. Зиновьев просто жалкая копия Ленина. Троцкого не допустят. Впрочем, нового главу России выдвинет не то или другое постановление, но обстоятельства, которые еще учесть нельзя...» ² Судя по тексту, вряд ли можно согласиться, что в нем «политики не было ни грани».

¹ Меньшевики в 1922 – 1924 гг. [Текст]. - М., 2004. - С. 664.

² Исторический архив [Текст].- 2006. - № 2. - С. 8-9.

Ссылка в Пскове угнетала Рожкова. В начале 1924 г. он писал Зиновьеву: «Я кончаю свой большой труд по русской истории, пишу XI том, и в этом году напишу последний, XII-й. Сделать это я мог бы только потому что, живя в Петербурге, собрал в библиотеке огромный материал. Без этого в Пскове я ничего не мог сделать. Но этот труд кончается. Я жажду продолжения научной работы, которая теперь является единственной моим занятием, дающим возможность жить и материально, и духовно. Я прошу дать мне возможность работать в архивах и библиотеках Ленинграда или Москвы по истории русского капитализма и революционного движения». Рожков высказывал желание читать лекции по истории. При этом он отмечал: «Нелепо меня подозревать в чем-либо: жизнь моя проходит под стеклянным колпаком, и в ней нет, и не может быть ничего подозрительного».¹

С письмом Рожкова было ознакомлено руководство большевиков. ОГПУ поручили подготовить заключение на просьбу ученого. 21 мая 1924 г. Дзержинский направил в Политбюро записку следующего содержания: «По собранным сведениям, Рожкова не следует пускать в Ленинград, но не следует держать и в Пскове, где он может воспользоваться большим научным авторитетом. Было бы более целесообразно поселиться ему в Москве, где аппарат наш за ним мог бы наблюдать». На следующий день Политбюро постановило: «Принять предложение т. Дзержинского о переезде Рожкова в Москву».²

Летом 1924 г. Рожков вернулся в Москву, где стал читать лекции в Академии коммунистического воспитания, на этнологическом факультете МГУ, в Институте красной профессуры, состоял членом Института истории РАНИОН, руководил аспирантами. В 1926 г. Рожков по предложению Луначарского был назначен директором Исторического музея.

В том же году ученый завершил свой главный труд «Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики)» в 12-ти томах. В последнем томе автор отмечал, что «центром тяжести своего изложения он сделал

¹Меньшевики в 1922 – 1924 гг. [Текст]. - С. 665.

²Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 [Текст]. - М., 2003. - С. 789.

русскую историю, а история других стран привлекалась лишь для сравнения с нею, не исследовалась и не излагалась с такими подробностями». Он писал, что занимается исторической и социологической проблематикой более 30 лет и только теперь «нашел в себе силы и возможность опубликовать большую обобщающую работу – венец и цель его научных исканий».¹

Неоднократные аресты и ссылки, напряженная научно-исследовательская и преподавательская работа подорвали здоровье Рожкова. 2 февраля 1927 г. после непродолжительной болезни он скончался. Гражданская панихида состоялась в актовом зале МГПУ. М.Н.Покровский, выступая на заседании Общества историков-марксистов в феврале 1927 г., отмечая заслуги Н.А.Рожкова в исторической науке, отметил, что «мы потеряли в его лице превосходного преподавателя истории, без которого мы ощущаем пустоту в целом ряде высших учебных заведений, и мы потеряли кроме того старого товарища, человека... который с честью нес знамя партии в эти тяжелые годы». Покровский охарактеризовал Рожкова как «историка-марксиста».² Однако известно, что в 1926 году, анализируя многотомный труд Рожкова «Русская история...», Покровский, утверждал, что «Рожков - вовсе не марксист», что «нечеткость, спутанность в изложении учения... внушает сильнейшие опасения, что для самого автора «теория Маркса» недостаточно ясна».³ В 1927 г. был опубликован сборник статей «Памяти Николая Александровича Рожкова», в котором помещена и его автобиография. В 1928 г. вышел пятый том ученых записок Института истории РАНИОН, в значительной степени посвященной памяти историка. Авторы статей отмечали, что Н.А.Рожков был крупным ученым и талантливым педагогом, активным участником российского революционного движения, отзывчивым и доброжелательным человеком.

¹ Рожков, Н. А. Русская история в сравнительном освещении (Основы социальной динамики) [Текст] / Н.Рожков. - М. - Л., 1926. - Т. XII. - С. 394.

² Историк-марксист [Текст]. - 1927. - Т. IV. - С. 179.

³ Покровский, М. Н. Историческая наука и борьба классов [Текст] / М.Н.Покровский. - М. - Л., 1933. - Вып. 2. - С. 213.

Глава II. Теоретико-методологические основы исторической концепции Н. А. Рожкова

§ 1. Н. А. Рожков и его учение об обществе

В своих трудах Н.А.Рожков значительное внимание уделял вопросам методологии истории и теории исторического познания, что отнюдь не случайно. На рубеже веков в исторической науке наблюдался глубокий кризис, связанный с поиском новых методологических подходов; борьба школ, течений и направлений, опирающихся на различные философские доктрины, заставляла историков четко формулировать и обосновывать свои позиции. Попытался определить свое место в исторической науке того времени и Н.А.Рожков. Для понимания теоретико-методологических воззрений ученого наиболее интересны его ранние произведения, опубликованные до 1908 г.

Исходным в исторической концепции Рожкова является учение об обществе, сформированное им в начале XX в., в частности, в таких работах как «Город и деревня», «Обзор русской истории с социологической точки зрения», «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». Придавая решающее значение государственному началу в русской истории (в этом чувствуется влияние его учителя – В.О.Ключевского, представителя государственной школы в русской историографии – Г.К.), особо выделяя правовые, юридические аспекты общественной жизни, Рожков в то же время полагал, что историческое развитие осуществляется в его внутренней обусловленности. История есть процесс органического развития; необходимо учитывать воздействие на общество различных факторов: социальных, политических, духовных и, особенно, экономических. Характеризуя поместную систему, ученый отмечал, что она есть «органический продукт известной стадии в развитии народного хозяйства, естественный результат натурального хозяйства в известной стадии его развития; натуральным хозяйством вполне объясняется и недостаток

денежных средств у государства, принужденного поэтому прибегать к раздаче земель в вознаграждение за службу».¹

Однако широкое распространение натурального хозяйства никак не могло объяснить специфические явления второй половины XVI в., связанные с зарождением рынка. Рожков вынужден признать, что упадок сельского хозяйства объясняется не только господством натуральных отношений, но и прямо противоположными натуральному хозяйству явлениями денежных отношений: «и когда к натуральному хозяйству стали примешиваться начатки менового, то этот процесс не ослабил перехода от одной хозяйственной системы к другой, всегда болезненный и мучительный, не только не ослабил перехода вотчин в руки монастырей, а, напротив, усилил его, сделав только более разнообразными способы этого перехода: к вкладу присоединились продажа и залог».² О быстром росте меновых отношений говорит тот факт, что земля все больше становится объектом купли-продажи. Происходит активная мобилизация земель-вотчин и поместных хозяйств.

В «Городе и деревне» Рожков попытался установить известную последовательность и вместе с тем определенную иерархию элементов, из которых складывается общественная жизнь: экономика, социальная сфера, политический строй. В «Обзоре русской истории» это деление превратилось в формальную классификацию общественных явлений по пяти группам:

- 1) явления внешней природы, или естественные явления;
- 2) явления хозяйственные, или экономические;
- 3) социальные явления (т.е. общественный строй);
- 4) явления политической жизни и, наконец,
- 5) психологические явления.³

¹ Рожков, Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке [Текст] / Н.Рожков. - М., 1899. - С. 468.

² Там же. - С. 472.

³ Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н.Рожков. - М., 1905. - Ч.1. - Вып.1. - С. 4.

Как же понимается Рожковым внутренняя связь этих явлений?

Естественные явления делятся автором данной концепции на: 1) рельеф страны или устройство ее поверхности, 2) климат, 3) почву, 4) естественные богатства и 5) население.¹

Естественные условия, вроде климата и рельефа, естественных богатств, не играют, по мнению Рожкова, активной роли в истории; они имеют пассивное значение, создавая лишь возможность, но не необходимость общественных перемен. Так, колонизация верхнего Поволжья вовсе не вызвана географическими условиями, они лишь содействовали миграционному процессу, перспективам расселения и переселения народов, делая их более легкими, но отнюдь не являлись важнейшими причинами перемещения населения по равнине.²

Совершенно по-иному оценивает Рожков роль такого фактора, как рост населения, считая его активной причиной хозяйственных перемен, хотя и признает, что плотность населения не может быть причислена к явлениям внешней природы: «действительный прирост населения определяется не столько обильной рождаемостью, сколько отношениями между рождаемостью и смертностью».³ Влияние географических условий на развитие общества не является неизменными: в эпоху роста товарно-денежных отношений, внутренней торговли данный фактор имеет гораздо большее значение, чем в эпоху господства натурального хозяйства.⁴

Сила, напряженность действия естественного фактора уменьшается с течением времени, по мере увеличения господства человека над природой. В XVIII в. верили в зависимость формы правления от пространства страны. Полемизируя с представителями антропогеографической школы, Рожков писал: «Мы, обладающие железными дорогами, парокходством,

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н.Рожков. - М., 1905. - Ч.2. Вып.2. - С. 143.

² Там же. - С. 147.

³ Там же.

⁴ Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст]. - Ч. 1. - С. 30.

телеграфом и телефоном, знаем, что теперь почти нет пространства. Даже в такой, казалось бы, близко соприкасающейся с природой области, как хозяйственный быт, замечается тоже постепенное ослабление естественного влияния: Германия XVIII в. совершенно не походила в промышленном отношении на современную ей Англию; в наши дни первая, несмотря на все свои природные отличия от второй, является почти такой же представительницей крупного фабричного хозяйства.»¹

В России видным сторонником этой теории был С. М. Соловьев, считавшим основными условиями, влияющими на жизнь страны, «природу племени», «ход внешних событий». Он утверждал, что однообразие и равнинность Восточной Европы делали возможным объединение ее в один государственный организм. «Но можно ли считать эти условия единственными факторами, созидавшими тело России? - восклицает Рожков. - Если бы внешняя природа страны была единственным необходимым условием ее политической цельности, наша равнина всегда представляла бы из себя единое государство: мы, между тем, знаем, что, не говоря о временах более ранних, еще в прошлом веке на этой равнине существовали другие политические организмы: Польша, Крым, Курляндия, Финляндия». Таким образом, делает вывод историк, «причинное воздействие природы на общественную жизнь имеет второстепенное значение и с течением времени постепенно ослабевает».²

Явления экономические занимают центральное место в исторической концепции Рожкова. Они — базис для всех последующих форм: социальных, политических, психологических. Заметим, что хозяйственные элементы в классификации Рожкова стоят на втором месте (после явлений внешней природы — Г.К.), являясь по своей структуре менее сложными по сравнению с категориями первой группы: «Отдельные разряды явлений природы расположены в ней в порядке убывающей простоты и возрастающей сложности, причем каждый предшествующий разряд определяет непосредственным своим влиянием

¹ Рожков Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - С. 169.

² Там же.

последующую группу, иногда подвергающуюся непосредственным воздействиям и других разрядов, значащихся в классификации на низших ступенях».¹ Простота — отнюдь не свидетельство второстепенности явлений общественной жизни. «Мы будем исходить в своем изложении из экономических явлений, как из основных»², «не то, чтобы все безусловно сводилось непосредственно к хозяйственным интересам и потребностям, но главное и основное в исторических переменах несомненно объясняется экономическим элементом».³

Эту мысль Рожков развивает последовательно и неуклонно, когда дело касается характеристики экономических явлений; при этом он предлагает собственную классификацию, подразделяя их на две большие группы: а) хозяйственную деятельность, б) формы хозяйственных явлений. Исходя из степени важности той или иной сферы экономики, Рожков предлагает такую периодизацию хозяйственной или экономической деятельности человека: «1) добывающая промышленность, простое, почти не сопровождаемое никакими особенными усилиями освоение природы, 2) сельское хозяйство, 3) обрабатывающая промышленность, перерабатывающая продукты добывающей промышленности и сельского хозяйства в новый вид, удобный для удовлетворения потребностей человека, 4) торговля или обмен, хозяйственная деятельность, состоящая в перемещении продуктов от производителя к потребителю».⁴ Что касается форм хозяйственных явлений, то, по Рожкову, они следующие: «1) относительное (преобладающее) значение разных отраслей народного труда; 2) формы землевладения (отношение к земле — кто владеет землей и на каких правах); 3) формы хозяйства (отношения между трудом и капиталом); 4) система или техника хозяйства (степень эксплуатации труда капиталом); 5) распределение хозяйственных благ».⁵

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст]. - Ч.2. - С. 145-146.

² Рожков Н. Город и деревня в русской истории [Текст] / Н.Рожков. - М., 1904. - С. 6.

³ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - Вып. 2. - С. 15.

⁴ Там же. - С. 16.

⁵ Там же. С. 143.

Центральным положением концепции Рожкова, как мы уже отмечали, является утверждение о том, что все формы хозяйственной жизни зависят от простейшего элемента экономики – относительного значения разных отраслей народного труда. Доказательством этого может служить анализ форм землевладения в тот или период русской истории. В Древней Руси господствовало вольное или захватное землепользование, являвшееся естественным результатом преобладания добывающей промышленности и скотоводства, таких форм хозяйственной жизни, которые заставляли людей постоянно мигрировать, заселять новые земли.¹

Ту же зависимость от данного элемента экономической жизни характеризуют и формы хозяйственной деятельности, т. е. отношения между трудом и капиталом. В XIII и XIV вв. в северо-восточной Руси господствовало натуральное хозяйство, и важнейшей отраслью экономической сферы было земледелие. Продавать хлеб было некуда (рынок практически отсутствовал), и потому землевладельцы почти не заводили барской запашки, сдавая всю землю в аренду свободным крестьянам, причем арендная плата вносилась вследствие отсутствия денег натурой, - долей урожая или определенным количеством хлеба.²

Четвертый элемент хозяйственной эволюции более сложен: «техника или система хозяйства складывается под воздействием трех элементов экономической жизни, - относительного значения разных отраслей хозяйства, форм землевладения и форм хозяйства».³ В удельной Руси техника земледелия характеризовалась преобладанием переложной системы с постепенным увеличением доли трехпольного вида обработки земель. Что повлияло на такой уровень техники земледельческого производства? Прежде всего, увеличение удельного веса земледелия; во-вторых, изменение форм землевладения; в-третьих, зарождение трехполья обуславливалось переменами в формах хозяйства: свободный землевладелец-арендатор

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - Вып. 2. - С. 148.

² Там же. - С. 148 – 149.

³ Там же. - С. 149.

заинтересован в качественной обработке земельного участка, нежели прежний полукочующий охотник и скотовод.¹

Наконец, пятый элемент экономических явлений — распределение хозяйственных благ. Основными чертами своеобразной «социальной политики» удельной Руси были: 1) рост неравномерности распределения реальных благ между отдельными социальными группами общества; 2) увеличение земельной ренты; 3) уменьшение прибыли на капитал; 4) низкий уровень заработной платы.² Материальное и социальное неравенство напрямую связано с увеличением (преобладанием) отраслей народного труда: земля становится основной формой деятельности и получения дохода, соответственно растет и земельная рента, растут или падают прибыли, заработная плата и пр.

Экономическим явлениям принадлежит важная роль в формировании социальных отношений, политического строя, духовной культуры общества. Сферой непосредственного воздействия народного хозяйства является именно социальный строй, классовая и социальная дифференциация общества. В определении социальных понятий — класс и сословие — у Рожкова полнейшая путаница. Сословие, по мнению автора, это «общественная группа, связью между членами которой служит общность прав или обязанностей»; тем самым, сословие обладает более высоким статусом по сравнению с классами, главными признаками которых являются не социальные, а экономические отношения: положение людей в процессе производства и обмена хозяйственных благ; виды экономической деятельности; место человека в экономической сфере и пр.³ Понятие «сословие» в концепции Рожкова из категории феодального общества превращается в категорию общеисторическую. Взятая в отрыве от непосредственного анализа производственных отношений характеристика общественного устройства приобретает определенный схематизм, из которого выпадает основное

¹Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - Вып. 2. - С. 150.

²Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 1. - Вып. 1. - С. 43.

³Там же. - С. 43.

содержание классового деления общества: «хозяйственные порядки и отношения, смыкая...общество в сословия, в то же время дробили, делили эти сословия, имевшие классовую основу, на подклассы, на более мелкие экономические группы».¹ Система производственных отношений заменялась понятием «распределение хозяйственных благ».

Рожков признает образование классов уже на раннем этапе древнерусского государства: «не подлежит сомнению, что в Киевской Руси началось уже образование экономических классов, сделаны были первые решительные шаги в направлении общества на группы по хозяйственным признакам»*. Здесь необходимо отметить, что Рожков становится на точку зрения, в корне противоположную юридической школе, приписывающей государству созидающую роль в образовании сословий и классов. Особенно ясно данная позиция историка раскрывается в вопросе о закреплении крестьянского населения: «крепостное право на крестьян развивалось не вследствие государственных интересов и не по воле правительства, равно как и не под влиянием каких-либо политических перемен, а под действием особого сочетания социально-экономических сил».² Окончательная формулировка зависимости социальных явлений от экономических у Рожкова такова: «социальный строй, то есть деление сословия на

¹ Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) [Текст] / Н.Рожков. - М., 1923. - Т.7. - С. 137.

* Признав факт складывания классов на раннем этапе образования древнерусского государства, в работе «Происхождение самодержавия в России» (- М., 1906), Рожков опровергает свой же вывод: «В древней России – до XII в., при полной неорганизованности хозяйства и общества, выражавшейся в господстве добывающей промышленности при натуральном хозяйстве, в преобладании вольного землепользования, домашней формы хозяйства, экстенсивной техники производства, в отсутствии классов и сословий (выделено мной – Г. К.), верховная власть, высшее управление и технически и политически были также бесформенны: государство в то время было неорганизованным двоевластием вече и князя» (с. 38).

² Рожков, Н. Образование сословий в России [Текст] / Н. Рожков // Образование. - 1899. - № 7 и 8. - С. 29.

экономические классы и юридические сословия, образуется благодаря совместному действию четырех групп хозяйственных явлений - относительного значения разных отраслей народного труда, форм землевладения, форм хозяйства и распределения хозяйственных благ».¹

Переходя к анализу политической жизни, необходимо отметить и здесь последовательную градацию отдельных разрядов и зависимость государственного устройства от уровня экономического развития общества: «простейшим разрядом политических явлений можно считать средства управления, сложнее их – понятие о цели государственного союза, поскольку оно отражается в действительности, наконец, всего сложнее – субъект власти».² Власть, или господство, составляет, таким образом, необходимый признак всякого государства. Так, например, вольные городские общины, Новгород и Псков, «были в политическом отношении ни чем иным, как выражением классового господства боярской аристократии».³ При этом средства управления подвергались влиянию хозяйственных порядков: «сохранение веча было обеспечено важностью добывающей промышленности, сохранявшей за народной массой некоторую долю хозяйственной самостоятельности; необходимость развития внешней торговли породила перевес купечества и особенно капиталистов – банкиров».⁴ В строгом соответствии с принципом классификации социальных явлений Рожков формулирует свой вывод о происхождении политических отношений: «средства правительственной деятельности создаются непосредственно социальными (сословными и в особенности классовыми) условиями, а также основными явлениями хозяйственных отраслей промышленности, формами землевладения, системой хозяйства и распределением хозяйственных благ. Все это сказывается прежде всего в областном управлении, а

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - Вып.2. - С. 151.

² Там же. - С. 153.

³ Там же. - С. 154.

⁴ Там же.

через посредство последнего и в управлении центральном и верховном».¹

Наиболее сложным структурным элементом Рожков считал духовную культуру. Изучая историю России с древности до середины XVII столетия, ученый пришел к выводу, что «ключом к пониманию всех сторон духовной культуры - и нравственных понятий, и религиозных верований и искусства, и литературы, и научных, и философских идей и исканий - служит психический склад общества, личности и характеры, в обществе господствующие».² Не будучи последовательным сторонником марксизма, Рожков тем не менее отмечает значимость отдельных положений этой теории, в том числе и в области психологической истории: исторически важной марксисты признают не психологию отдельного лица, равно как и не психологию «человека вообще», а психологию социальной группы, члены которой связаны между собой одинаковыми хозяйственными интересами. Рожков согласен с теми историками и социологами, которые утверждают, что «история есть в сущности психологическая задача, как физика — задача механическая».³ Имея в виду выяснение психологии класса, Рожков стремится установить определенные «психические типы»; их у него насчитывается пять: эгоисты, индивидуалисты, эстетика, люди этического склада и аналитики. Опираясь на эту классификацию, историки должны «построить в будущем эволюционный процесс психологической истории».⁴ Рожков попытался сформулировать некий общий закон образования психических типов, которые создаются, по его мнению, «всею совокупностью реальных условий общественной жизни: экономическим бытом..., социальными, по преимуществу классовыми отношениями и политическим строем».⁵

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории... [Текст]. - С. 159-160.

² Там же. - С. 157.

³ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - М., 1906. - С. 176.

⁴ Рожков, Н. Успехи современной социологии в их соотношении с историей [Текст] / Н. Рожков // Образование. - 1898. - № 12. - С. 35.

⁵ Рожков, Н. Обзор русской истории... [Текст]. - С. 158.

В результате теоретических изысканий понятие общества, его структура разбилась у Рожкова на внутренне обособленные ряды явлений; классификация их (по форме вполне наукообразная) привела к разрыву внутренних связей общественной жизни.

§ 2. Н. А. Рожков о сущности и характере научных знаний

Каждый народ на заре своего исторического существования, считает Рожков, стремится к знанию, пополняет запас своих знаний. Однако далеко не всякое знание является наукой. «Знания младенца и первобытного народа отличаются двумя отличительными чертами: эти знания, во-первых, бессистемны, случайны, во-вторых, они лишены всякого практического значения, накопление их не имеет целью удовлетворения житейских потребностей, - оно бесцельно и бесполезно. Бессознательное, инстинктивное и праздное любопытство - вот основной психический мотив, руководящий младенцем и дикарем в его стремлении к знанию». Любознательность, присущую каждому человеку, Рожков называет житейским знанием. Наука есть «живое стремление к цельному, стройному, систематизированному, связному знанию и притом к знанию жизненному, имеющему тесную связь с общественными и личными потребностями и интересами».¹ Система знаний должна основываться на причинной связи явлений, это очевидно. Причинность, по Рожкову, это «постоянная последовательность явлений».²

Однако для целей научного исследования недостаточно установить лишь причинную связь между явлениями. Истинная, конечная цель всякой науки заключается в открытии высших обобщений, научных законов. Закон не есть установление причинной зависимости между целыми рядами или группами явлений.³ Совершенно очевидно, что каждая наука изучает лишь отдельную сторону одного великого объекта - мироздания, но

¹Рожков, Н. Основные законы развития общественных явлений [Текст]. - С. 1.

²Там же. - С. 4.

³Там же.

отсюда не следует, что отдельные науки не имеют права на существование.¹ Полемизируя со Штаммлером, который в работе «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» утверждал, что общественная жизнь – есть нечто цельное и единое и поэтому всякая попытка ее расчленения на отдельные процессы невозможна, Рожков справедливо замечает, что отказываться от возможности изучения разных сторон жизни общества – значило бы отрицать возможность существования различных наук – механики, химии, физики, биологии, психологии», ибо нет ни одного явления или предмета в действительности, который всецело относился бы к области только одной науки: всякий социальный факт необходимо и неизбежно содержит в себе «элементы, изучаемые другими науками, – психологические, физиологические, физические, химические, механические».² Исследование объекта возможно только путем синтеза знаний, полученных разными науками.

Известно, что Конту принадлежит классификация наук, в основу которой положены принципы убывающей общности исследуемых явлений и возрастающей их сложности. Первой в классификации Конта находится астрономия, исследующая самые простые явления, а именно – явления движения. Далее следуют физика, химия, физиология и социология.

Данная классификация наук была дополнена Миллем, который внес одну поправку: между физиологией и социологией он поставил психологию. Изложенная классификация наук занимает центральное место в философии позитивизма, при этом Конт делает из нее следующее обобщение: «явления, изучаемые каждой наукой, слагаются из совокупного действия явлений, рассматриваемых всеми науками..., причем наибольший материал для разъяснения возникающих вопросов дают выводы ближайшей высшей науки».³ Следовательно, социология тесно связана с другими науками, но наиболее важное значение для

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 1. - С. 3.

² Там же.

³ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст].

объяснения социологических явлений имеет психология – наука, занимающая ближайшее высшее место в классификации.

Все базовые науки, приведенные в классификации, делятся на науки конкретные и абстрактные. «Конкретные науки занимаются изучением отдельных явлений в определенной, точнее конкретной, среде или обстановке, причем имеют в виду установить причинную связь явлений».¹ Но эта задача важна не сама по себе: она имеет значение в том плане, что позволяет формулировать более общие, абстрактные выводы. Например, психология изучает общие, абстрактные законы развития духовной жизни людей вообще, а не только отдельного конкретного человека. Значит, психология наука абстрактная. В то же время она основана на наблюдениях за духовной жизнью конкретных людей, и эти наблюдения, сведенные в систему, составляют особую, конкретную психологию данного человека или данного типа людей.² «Такая тесная и естественная связь, - подытоживает Рожков, - между абстрактными и конкретными науками предполагает ясно выраженную потребность в изложении каждой конкретной науки в связи с общими законами изучаемых явлений, формулируемыми наукой абстрактной».³

Через взаимосвязь абстрактных и конкретных наук реализуется практическая направленность научного знания. Данному обстоятельству Рожков придавал большое значение, полагая, что наука обязана изучать жизнь, действительность, изучение которой дает человеку материалы и средства для создания практических, прикладных наук.⁴ Если это знание – не фантазия, а действительность, не плод воображения, а истина, то оно должно привести к «предвидению будущего, хотя бы частичному и мало определенному». Большая или меньшая вероятность предсказаний должна служить средством проверки правильности приемов, методов и теории, «применение которых

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 1. - С. 1.

² Там же. - С. 1 – 2.

³ Там же. - С. 2.

⁴ Рожков, Н. Основные законы... [Текст]. - С. 4.

дало материал для известного понимания прошлого и настоящего и для предвидения будущего».¹

Рожков провозгласил принцип познания – монизм, предполагающий рассмотрение и объяснения всего многообразия явлений в мире из единого элементарного начала. «Монизм, учение, в едином синтезе обнимающее всю теорию и практику, бытие и долженствование, чистый и практический разум, слишком привлекателен для человеческого ума, чтобы можно было от него отказаться и примириться с раздвоенностью мирозерцания».²

Итак, определив, что современную науку отличают два основных признака: стремление к осмысленному, систематическому пониманию действительности и стремление к приложению теоретических выводов на практике, Рожков пытается определить – является ли история наукой? Для него ответ сугубо положительный: истории присущи те же признаки познания действительности, как для естествоиспытателя важно и интересно проникновение в тайны природы. История – это точное знание. «Никто не может устоять перед соблазнительной перспективой представить себе в простейшем виде, в стройной системе все многообразие и сложность исторической жизни, объяснить ее из немногих основных начал... Тому, кто занимается теперь научной историей, несомненно, знаком очень хорошо восторг, охватывающий человека, когда из хаоса взаимно перепутывающихся, бессвязных и бессмысленных фактов получается единое связанное целое, стройная система, изящное, исполненное глубокого смысла построение».³ Рожков, однако, вынужден признать, что уровень развития исторической науки далек от идеального: «для многих, для очень еще многих бесцельное гребкопательство, курьез, скандал и сплетня, касающиеся деятелей прошлого, составляют если не

¹ Рожков, Н. Основные законы... [Текст]. - С. 7.

² Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 22.

³ Там же. - С. 3.

единственный, то главный смысл и основную цель занятий историей».¹

Причина столь поверхностного отношения к истории — давние споры относительно целей исторического знания. В древнейшее время история никогда не рассматривалась как наука, а служила материалом для развлечения или для целей укрепления существующего строя. Рожков крайне обеспокоен тем, что этот взгляд на историю как служанку господствующего класса может возродиться при определенных обстоятельствах в той или другой измененной форме в Советской России.

На смену моралистическому подходу к истории пришел метафизический, рассматривающий исторический процесс как стремление народов к достижению абсолютного нравственного идеала. При этом история не всех народов имеет значение, а только история культурных обществ, создавших что-либо особенное, оригинальное в нравственной среде. В истории важны не причинно-следственные связи, а цели, утверждают сторонники данного направления. Нравственная оценка — вот что главное в исторической науке, для историка важно не столько то, что было, столько то, что «нравственно-обязательно, что должно быть с моральной точки зрения».²

По мнению Виндельбанда и Риккерта, задача изучения истории совершенно иная, чем задачи естествознания. В истории, в общественной жизни нет того единообразия, которое существует в природе: история не повторяется. Рожков совершенно не согласен с такой позицией. Критикуя представителей философского идеализма, ученый заявляет: «История для того, кто привык ее научно изучать, повторяется чрезвычайно часто, до скуки часто, так, что иногда приходится признать, что есть страны, изучение истории которых несколько не интересно, потому что там мы находим полное повторение того, что совершалось в развитии других стран... Едва ли кто может отрицать сейчас, что, например, самодержавный абсолютизм,

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 3.

² Там же. - С. 5.

дворянская монархия вовсе не является исключительной, своеобразной, свойственной одной стране».¹

Признавая объективность исторического процесса, Рожков пытался показать его закономерности. Он был близок к пониманию общественной закономерности как объективной, повторяющейся существенной связи явлений или этапов исторического развития в противовес телеологическому взгляду на мир. Однако его позиция в данном вопросе не лишена противоречий. В ряде рассуждений у Рожкова встречается тезис о возможности внесения в историческую науку и гипостазирования в ней какого-либо элемента из другой научной сферы в случае невозможности объяснить события социальной жизни исходя из внутренне присущих истории законов. И хотя в собственные социологические построения Рожков не вносит какого-либо чужеродного гипостазируемого элемента из других областей знания, он все-таки аксиоматично кладет в их основу один из выделенных им общественных процессов – экономический, доминированием которого историк и объясняет все происходившее в прошлом. Очевидно, что подобный подход соответствует его представлениям о строении мира, классификации наук и провозглашением им принципа монизма в научных исследованиях.²

Двумя изложенными взглядами не ограничивается разноголосица в понимании практического значения истории как науки. Существовал еще третий взгляд, основу которого составляет мнение, что цель изучения истории – «возбуждение патриотических чувств или вообще проведение определенных политических тенденций в том или другом направлении». Критикуя «псевдопатриотический» подход, Рожков отмечает, что истинный патриотизм заключается не в любви к воображаемой, «реально не существующей, идеальной родине, а в любви к родине такой, как она есть, в том, что мы болеем ее горестями, мучимся недостатками и готовы пожертвовать всеми своими силами, чтобы уничтожить

¹ Рожков, Н. Методика преподавания истории [Текст]. – С. 12.

² Тарасова, Н. Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова [Текст] / Н. Н. Тарасова. С. 273.

все дурное, поднять уровень общественной жизни и осуществить идеал общего блага».¹

Критика различных подходов к изучению происходящего дает возможность понять ретроспективное видение Рожковым процесса становления истории как науки и понимание поставленной проблемы им самим. Практическую общественную ценность и применимость научных исторических изысканий и их выводов Рожков видит в том, что они служат опорой для научной политики и прогнозирования пути дальнейшего развития общества.

Предметом исторической науки Рожков называет «исторический процесс, связную цепь фактов». Конкретизируя понятие «факт», он вступает в спор с Н. И. Кареевым, отвергая его деление исторических фактов на культурные и прагматические. Невозможно отделить их друг от друга, считает Рожков. «Историк и социолог не имеют права и теоретически различать прагматические факты от культурных, потому что прагматические факты сами по себе вовсе не являются историческими фактами: их ведают психолог, биограф и т. д., а не историк и социолог».² Факты прагматические группируются и выстраиваются в важную для историка последовательность только благодаря фактам культурным и лишь через призму последних могут рассматриваться исследователем. Говоря о культурных фактах, Рожков относит к ним «естественный, экономический, социальный, политический и психологический процессы в истории».³

В целом можно сказать, что ученый правильно определяет предмет истории прошлое человеческого общества, исторический процесс, однако он не сумел выработать представление о всемирной истории как едином и закономерном процессе поступательного движения человечества.

Переходя в своих рассуждениях от истории к социологии, Рожков считает, что для решения вопроса о современных

¹Тарасова, Н. Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова [Текст]. - С. 273.

²Рожков, Н. Несколько спорных социологических вопросов (Ответ проф. Карееву) [Текст] / Н.Рожков // Образование. - 1899. - № 3. - С. 84.

³ Там же.

направлениях в исторической науке важны социологические выводы и социологические принципы, которые применяются в исторических исследованиях.

В определении предмета социологии как науки Рожков допускает неточности; он недостаточно дифференцирует предметы истории и социологии, приравняв их к одному объекту – изучению общественных явлений. Пытаясь все же уйти от этой двойственности, нерасчленности предмета изучения двух гуманитарных наук, Рожков предлагает вариант исследования общественных явлений с разных сторон – история изучает конкретные проявления общественной жизни, а социология – общие законы развития общественных явлений.¹ Отмечая тесную связь двух наук, Рожков утверждает, что «научная, богатая плодотворными выводами социология возможна только на исторической основе, на основе тех конкретных наблюдений, какие делают историки, и, с другой стороны, научная политика, как прикладная отрасль обществоведения, немислима без построения социологии».² При этом он отмечал, что взаимное сближение этих двух наук является залогом их дальнейшего плодотворного развития.

Рассуждения Рожкова о предмете, содержании, практическом значении исторической науки показывают, что он в значительной степени преодолел позитивистское понимание истории. Когда Рожков писал о конкретных проблемах истории или социологии, то вопреки собственным утверждениям воспринимал эти науки нерасчлененно. Можно сказать, что историк сделал значительный шаг вперед от позитивизма в понимании смысла исторической науки. Он раскрыл неразрывную связь конкретики и теории в истории, понимая, что только благодаря их синтезу можно познать закономерности исторического развития, но не сумел до конца выработать стройную систему поступательного движения человечества.³

¹Рожков, Н. Основные законы развития общественных явлений [Текст]. - С. 5.

² Там же. - С. 6.

³ Тарасова, Н. Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова. - С. 272-273.

Глава III. Социальная статика и социальная динамика в трудах Н. А. Рожкова

Как известно, контовская классификация наук является наиболее развитой из всех классификаций, существовавших в истории науки до XIX в.

В чем же видел О. Конт особенности своей классификации? Как он думал удовлетворить одновременно два принципа: прогресса и порядка?

Прежде всего, философ полагал, что прогресс и порядок отнюдь не независимые друг от друга феномены. В науке эти феномены соответствуют динамическому и статическому описанию явлений. Они взаимозаменяемы в том смысле, что как динамическое, так и статическое описание позволяет осуществлять предвидение и объяснение, хотя динамическое по преимуществу предназначено для предвидения, а статическое - для объяснения.

Будучи твердым последователем контовского учения, Рожков утверждал, что человеческое общество следует изучать в двух состояниях - в состоянии покоя (т. е. исследовать строение общества в определенный момент) и в состоянии движения (т. е. изучать функции и развитие общества).

Различные подходы социальной статики и социальной динамики к историческому прошлому обуславливают и своеобразие задач этих наук. Социальная статика как один из отделов социологии изучает не частности, не детали, а то общее, что свойственно всем обществам в разные периоды их развития.¹

Из конкретного материала социальная статика должна извлечь «общие выводы, одинаково примененные ко всем обществам в разные периоды их существования».² Таким образом, делает вывод Н. Рожков, социальная статика занимается классификацией общественных явлений и определением того, в какой мере «та или другая группа этих явлений зависит от других групп».³ По классификации ученого выделяются пять основных

¹ Рожков, Н. Основные законы [Текст]. - С. 8.

² Там же.

³ Там же.

групп общественных явлений: первая охватывает явления природы, вторая – хозяйственные явления, к третьей принадлежит все то, что относится к устройству общества, – явления социальные, четвертый – это явления политические, устройство государства и, наконец, пятая группа включает в себе психологические явления или явления духовной культуры.

В соответствии с пониманием целей и задач социальной статистики Рожков формулирует законы этой дисциплины – законы внутренней взаимосвязи составных элементов пяти классов общественной жизни и законы взаимоотношений общественных явлений между собой.

Рожков неоднократно подчеркивал, что данные законы имеют универсальный характер и позволяют представить «каждый момент развития общества как органически связанное целое». ¹ Более того, они помогают уяснить деление истории на периоды.

В отличие от статистики социальная динамика «пользуется конкретным историческим материалом: она берет каждое общество не в отдельный, произвольно – выбранный момент его развития и сравнивает его не с произвольно же выбранным моментом истории другого общества, – она берет весь процесс исторического развития других обществ, чтобы путем этого сравнения и на основе выводов социальной статистики построить законы общественного движения, смены общественных порядков и учреждений». ²

Из работ Рожкова следует, что в основу законов социальной динамики он положил два принципа периодизации истории и классификации исторических процессов.

Весь русский исторический процесс Рожковым делит на пять периодов: 1) Киевский, с VI до конца XII века; 2) Удельный, с XIII до середины XVI столетия; 3) Московский, с середины XVI до

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст]. - Ч. 2. - С. 160.

² Рожков, Н. Основные законы [Текст]. - С. 8-9.

* В работе «Город и деревня» указано четыре периода. 3-й период Рожков подразделяет хронологически на две части: московский – с середины XVI и до конца XVII в., и новый крепостной период – с начала и до середины XVIII в. В своем исследовании мы будем придерживаться данной схемы.

конца XVIII века; 4) Новый крепостной период, охватывающий XVIII столетие и первую половину XIX века; 5) Новый пореформенный, начинающийся со второй половины XIX века.¹

Первый период характеризуется господством добывающей промышленности – охоты, рыболовства, бортничества, скотоводства. Эти отрасли промышленности преобладали на первой ступени развития человеческого общества, и Киевская Русь в этом отношении не была исключением.

В качестве доказательства положения о господстве добывающей промышленности в первый период древнерусского государства Рожковым приводятся разнообразные данные. В основном все они сводятся к тому, что в древние времена наиболее ценными материальными благами считались продукты охоты, бортничества и т.д. Они составляли главную статью доходов внешней торговли, ими платили дань князю. Таким образом, подытоживает Рожков, «добывающая промышленность играла первостепенную, определяющую роль в хозяйственной жизни киевского периода русской истории».²

О земледелии в Киевской Руси известно давно; в источниках IX – XII вв. нет недостатка в указаниях на сельскохозяйственные занятия славянского населения. Но «существование земледелия и его господство - не одно и то же. Это явствует из того, что... в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты добывающей промышленности – меха, мед и воск. Это уполномочивает нас не ставить земледелие в... один ряд с охотой и пчеловодством. В чем можно быть в этом отношении уверенным, это в том, что и тогда уже русские не нуждались в привозном хлебе, потому что им хватало своего».³

Народное хозяйство древней Руси было чисто натуральным, поэтому обмен был развит крайне слабо. Внутренняя торговля существовала, главным образом, в виде продажи небольшого количества продуктов на соседнем базаре.⁴ Внешняя

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 1. - С. 6-7.

² Там же. - С. 19.

³ Там же. - С. 19.

⁴ Там же. - С. 25.

торговля оказывала некоторое влияние на экономическое положение общества, однако и она имела ряд особенностей: «во-первых, торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан, масса же населения не принимала в ней никакого участия; во-вторых, внешняя торговля в действительности не затрагивала и настоятельных, насущных, необходимо требовавших удовлетворения потребностей даже этих руководивших ею высших классов населения: все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избытки и выменивая там только предметы роскоши».

В Киевский период господствует семейная форма производства и вольное землепользование отдельных семей, причем территория племени и рода оказывается хотя и обширной, но уже более или менее определенной, так или иначе ограниченной. В социальном отношении расчленение общества на классы и сословия было еще очень слабо. Главное влияние в общественном управлении принадлежит смердам, свободному крестьянскому народу. Неорганизованность общества в экономическом, социальном и политическом отношениях имела последствием психологическую аморфность социума, отсутствие сложившихся и резко выраженных характеров.

На основании анализа общественной жизни Древней Руси Н. Рожков приходит к следующему выводу: «Историческое развитие Киевской Руси надо признать типическим для первоначального развития всякого другого народа, находящегося на низком уровне культуры и живущего в условиях почти еще совершенно девственной природы».²

Второй период русской истории длится с XIII до середины XVI в. Это вторая и последняя стадия развития натурального хозяйства. Анализируя данный этап, Рожков дифференцирует экономическую жизнь страны по отдельным районам: выделяются, во-первых, вольные городские общины – Новгород и Псков. В них сильно развита внешняя торговля, дающая возможность высшим слоям общества сосредоточить в своих руках значительные

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч.1. – С. 25

² Там же. - С. 166.

капиталы. Новгород теснейшим образом связан с Западной Европой, главным образом через Ганзейский союз. Немцы ввозили в Новгород хлеб, соль, железо, медь, золото, конфеты, вина, а вывозили оттуда меха, воск, мед, лен и коноплю.¹ Самая страшная угроза для Новгорода – прекращение подвоза хлеба, что подтверждает факт незначительной роли земледелия в Новгороде.

Во-вторых, обособляется северо-восточная и западная Русь; в них торжествует земледелие, темп хозяйственного развития последней наиболее быстр и оживлен. Развивается поместье и монастырская вотчина. В политическом отношении для вольных городских общин характерна аристократическая республика, а для средней Руси – удельное княжество с властью князя на основе земельной собственности.

Третий период, начинающийся с середины XVI в., характеризуется Рожковым как период развивающегося денежного хозяйства.

Дифференциация областей менее заметна, торговля перестает быть монополией Новгорода. Новые формы хозяйства, непривычные и своеобразные, вносят изменения во все сферы экономической жизни: старые формы полусвободной земельной собственности, поместья, уже не соответствуют новым формам хозяйства: денежное обращение властно требует права свободного отчуждения, поместье постепенно переходит в вотчину. Соответственно с этим рушится монастырское землевладение и растет государственное; крестьяне все более закрепощаются, развивается барщина. В начале периода заметна колонизация окраин. В центре царит запустение, сильно падает техника сельского хозяйства. Рожков связывает ухудшение технического состояния земледелия с увеличением барской запашки в центре России, тогда как окраинные области характеризуются переводом крестьян преимущественно на оброк. Крестьянское хозяйство начинает вступать в период товарно-денежных отношений: крестьяне все в большей степени вынуждены платить подати и оброки хлебом или деньгами. В политическом отношении для этой стадии характерно развитие самодержавной власти.

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - С. 13-14.

Третий период развития России Рожков подразделяет на два этапа: первый хронологически охватывает XVI – XVII вв. и называется московским этапом, второй – с XVIII в. до середины XIX в. и именуется новым дореформенным. Рожков часто анализирует их отдельно, «характеризуя первый как время зарождения и первоначального развития порядков, сложившихся более определенно во второй момент».¹ Вот в этом и заключается суть различия в количестве периодов, о чем говорилось выше. На наш взгляд, более соответствует схеме развития хозяйственных форм деление на четыре периода, что признает и сам автор: «в сущности, начиная с половины XVI в. и до половины XIX в. длится все одна первая стадия в развитии денежного хозяйства в России, характеризующаяся тем, что все еще не большинство населения захвачено торговым оборотом и притом захвачено не целиком, не во всех хозяйственных функциях, так что многие потребности удовлетворяются по-прежнему домашним производством».² Безусловно, в этот период простое товарное хозяйство в России преобладало, однако, рассматривая экономические процессы в динамике, следует обратить внимание на развитие промышленного капитализма. Техника производства начинает быстро изменяться не только в обрабатывающей промышленности, но и в сельском хозяйстве. Все острее встает проблема вольнонаемного труда, преимущества которого перед крепостным, подневольным трудом становятся все более ощутимыми. Преобладающей формой промышленности на юге является земледелия, на севере – промыслы, в верхневолжской Руси – земледелие в сочетании с промыслами. Активно развивается идея государства, формируется широко разветвленный административный аппарат.

Четвертый период начинается с отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. – с «реформы без гения».³ При исследовании причин реформы Рожков явно преувеличивает возможность крестьянской революции, которая, по его словам, «в шестидесятых годах была не плодом испуганного воображения, а совершенно

¹ Рожков, Н. Город и деревня [Текст]. - С. 120-121.

² Там же. - С. 74.

³ Там же. - С. 95.

реальной возможностью».¹ Действительная причина освобождения крестьян – развитие промышленного и аграрного капитализма.

В экономике страны господствует обрабатывающая промышленность, при этом «мелкое обращение хозяйственных благ захватывает все более и более глубокие и широкие общинные слои».² Большого значения достигают денежные отношения, хотя еще не изжито окончательно и натуральное хозяйство. Капитализм бурно развивается, однако он опутан множеством крепостнических пережитков. Вторую половину XIX в. Рожков относит к периоду первоначального накопления капитала. «В течение 30 лет – с 60-х по 80-е годы XIX века – Россия пережила с головокружительной быстротой самую тяжелую пору развития промышленного капитализма – период первоначального накопления».³

Город, являющийся носителем культуры, в этот последний период получает огромное развитие, но деревня преобладает, как и на всем протяжении русской истории.⁴

Рожков признает условность периодизаций, несмотря на свою любовь к схемам. Но без периодизации истории не обойтись: «...попробуйте изложить историю какого-либо общества, не деля ее на резко очерченные периоды, - вы увидите, что изображение много потеряет в ясности и определенности, окажется смутным, не ясно очерченным. Предупреждая поэтому о некоторой искусственности деления на периоды, мы все же от этого деления, от такого «схематизма» отказаться не можем».⁵

В своих работах Рожков утверждал единство исторического процесса. Под эти углом зрения рассматривал он и историю отдельных народов, общественной жизни, их эволюцию. Рожков не разрывал и не противопоставлял друг другу исторические судьбы различных народов. Он считал, что

¹Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении [Текст] / Н.Рожков. Т.ХI. - С. 7.

²Рожков, Н. Город и деревня [Текст]. - С. 121.

³Рожков, Н. Судьбы русской революции [Текст] / Н. Рожков. - Пг., 1907. - С. 10.

⁴Рожков, Н. Город и деревня [Текст]. - С. 95-124.

⁵Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении [Текст] / Н.Рожков. - СПб. Б.г. Т. 1. - С. 21.

существуют единые законы и этапы исторического развития для всех стран и народов. Рожков резко критикует индивидуально-моралистическую концепцию в исторической науке, сторонники которой рассматривают историю человечества как единый, цельный, не повторяющийся мировой процесс, «отдельные частности которого – истории отдельных народов – представляют собою не что иное, как стадии или ступени к достижению абсолютного нравственного идеала, и конечной целью или результатом которого является раскрытие этого идеала во всей полноте и совершенстве».¹ Главным критерием важности и значимости исторических событий представители данной концепции считают нравственную оценку того, что было в прошлом. При этом человеческое сообщество они подразделяют на народы культурные, создавшие что-либо особенное, оригинальное, и некультурные, которые не имеют исторического значения, потому что их «общественное развитие не имеет оригинального, самостоятельного морального содержания; историей этих народов, с этой точки зрения, незачем заниматься, она не имеет никакой ценности».²

В обобщающем многотомном труде «Русская история в сравнительно-историческом освещении» Рожков подразделяет всемирную историю на 9 периодов: первобытное общество; общество дикарей; дофеодальное общество, или общество варваров; феодальная революция; феодализм; дворянская революция; господство дворянства (старый порядок); буржуазная революция; капитализм.³

Анализируя первобытное общество, Рожков выделяет четыре основных периода: древний палеолитический, новый палеолитический, неолитический и поздний неолитический. Первый и третий – органические периоды (по Сен-Симону), второй и четвертый – критические.⁴

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. Ч. 1. - С. 4-5.

² Там же. - С. 5.

³ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 21-22.

⁴ Там же. - С. 43.

В древний палеолитический период охота дала человеку пищу, одежду, жилище, усовершенствовала орудия труда, обогатила психику древнего человека элементами ассоциации, возвысив его тем самым над животными.

Новый палеолитический период был ознаменован серьезными изменениями и в материальной, и в духовной культуре. Техника обработки орудий труда развилась значительно, в обиход введены орудия из кости, рога. В духовной сфере большие изменения произошли в религии, искусстве, языке, причем в образовании языка огромную роль сыграла непосредственная потребность в хозяйственной организации.

Шлифовка камня, первые успехи гончарного дела, изобретение лука и стрел помогали первобытному человеку бороться с относительным перенаселением в ранний и средний неолитический период и сохранять общественные союзы, религию и язык, унаследованные от предшествующего периода.

Поздний неолитический период характеризовался появлением меди и бронзы, техника отработки орудий труда еще более усовершенствовалась. Старая общественная организация жизни вступила в период кризиса, ознаменовавшийся переходом от первобытного состояния в состояние дикости.¹

В развитии жизни дикарей Рожков также отмечает четыре периода: матриархат, начало приручения животных, патриархат и появление мотыжного земледелия.

Период матриархата характеризуется усилением экономического значения земледелия. Интересы обеспечения наибольшей трудоспособности населения привели к смене беспорядочных половых отношений групповым возрастным браком, исключавшим брачные отношения между матерью и сыном. Появляется собственность на орудия, одежду и украшения. В области духовной культуры матриархат дал почитание высших женских божеств.

Начало приручения животных (собаки, оленя) способствует развитию скотоводства. Приручение животных было делом мужчин, что привело к возвышению последних над женщиной и создало формы, переходные от матриархата к патриархату, — власть

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 23-44.

дяди по матери, женитьбу брата умершего на его вдове. В религии мужские божества преобладают над женскими.

В период патриархата скотоводство из вспомогательной отрасли хозяйства постепенно превращается в господствующую. Складывается патриархальный род с многоженством, хозяйственной, жреческой и судейской властью отца, с низшим положением старшей жены-хозяйки, слабостью племенных связей. В брачных связях сложилась родовая экзогамия. Начинает обозначаться социальное неравенство: появились рабы. В духовной культуре происходит усложнение анимистических воззрений, возникает почитание огня как покровителя рода и домашних фетишей – покровителей скота. Появился «родовой» язык, возникли элементарные зародыши будущих письменных знаков в виде рисунков.

В эпоху мотыжного земледелия усиливается применение производительных сил несвободного населения, развивается территориальная власть племени, утверждаются верование в мужские земледельческие божества, почитание солнца, света и дня, земледельческие праздники.¹ Состояние дикости по схеме Рожкова сменяется периодом варварства, характерными чертами которого являются: в экономической сфере – преобладание добывающей промышленности и скотоводства при второстепенном значении земледелия; низкая техническая оснащенность; господство семейной формы производства; крайне слабая дифференциация общества на зарождавшиеся классы и сословия; создание прочных племенных княжеств при значительной самостоятельности родов. В духовной сфере – психологическая аморфность общества; хаотический конкретизм духовной культуры.²

Период варварства мало чем отличался от более ранних этапов развития человечества: жизнь была настолько проста, что в большинстве стран протекала практически одинаково, без отклонений от общей нормы. Отличия появляются на этапе феодальной революции. На Руси он происходил в X – XII вв.; в Литве – с середины XIII в. до середины XV в.; в Англии – с V в. до

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 45-74.

² Там же. - С. 76-145.

середины IX в.; в Польше – с середины X в. до начала XIII в. и т. д. Несмотря на своеобразие в развитии европейских государств периода феодальной революции, Рожков тем не менее находит много общего. При господстве натурального хозяйства земледелие становится основной отраслью. Техника ведения земледелия меняется: наряду с подсечной системой появляется переложная и кое-где даже трехпольная. В ряде стран развиваются формы зависимого временного и условного владения землей (бенефиций, прекарий, икта, стратиотское имение), что свидетельствует об активизации процесса образования частной собственности на землю и росте крупного землевладения. Общество все более раскалывается по социальному и имущественному признаку; свободные люди количественно уменьшаются – часть их переходит в зависимое состояние. Кое-где начинается процесс создания государства, правда, деятельность власти несет на себе печать слабой активности.¹

Рожков выделяет две группы культур – одна с незаконченным, недоразвитым процессом феодальной революции, другая – с полным его завершением. К первой группе он относит Русь, Литву, Сербию, Болгарию и отчасти Балтийское славянство. Ко второй – государство франков, Англию, Италию, Испанию, Венгрию, Скандинавию, Финляндию, Чехию, Польшу и другие западноевропейские государства. Соответственно этим культурам Рожков показывает принципиальные различия в историческом развитии обществ. Так, в культурах первого типа сохранилось больше старых вольно-захватных отношений к земле у свободных людей, не обострилась борьба между светскими и духовными и духовными магнатами из-за земли. Эти различия связаны с меньшими успехами земледелия и более многочисленными остатками варварского хозяйства. Хозяйственная отсталость, незаконченность процесса феодализации в землевладении России и других стран первой группы имели своим последствием, по мнению Рожкова, незавершенность того же процесса в области социальной, политической и духовной. Так, в культурах второго типа (в законодательных памятниках стран второго типа)

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 76-145.

встречается понятие о преступлении как эле не только материальном, но и нравственном, чего в Русской правде нет.

Принципиально новым в периодизации Рожкова было признание феодализма в России. В самом процессе феодализации исходное и определяющее значение отводилось не политическому строю, а экономике. В соответствии с социологической теорией Рожков в основу определенного этапа развития общества кладет эволюцию хозяйства, понимаемую им как смену отраслей хозяйственной деятельности. Переход к феодализму связывается у него с переходом от добывающих промыслов к земледелию и торжеством натурального хозяйства. Начало этого периода – XIII век, а завершение – середина XVI века (со второй половины XIV века начинается падение феодализма). Анализируя процесс феодализации средневековой Руси, Рожков приходит к выводу о тождественности исторического пути русского и западноевропейского обществ. Общие экономические условия того времени – натуральное хозяйство и начавшееся зарождение менового уклада – способствовали развитию земледельческого производства Московской Руси и распространению поместий и монастырских вотчин. Поместье представляло важный и распространенный вид земельной собственности не только на Руси, но и в Византии, Индии, мусульманских государствах, и даже в древних, уничтоженных европейцами государствах Нового света.

Продолжая сравнение Москвы со странами Западной Европы, Рожков утверждал, что еще в удельное время русские князья предоставляли своим слугам податные и судебные льготы, являвшиеся своеобразными дофеодальными иммунитетами, и для превращения их в иммунитеты феодальные недоставало только приобретения служилыми князьями и бояр таких прав, как право войны, законодательства, чеканки монет и т. д. Наконец, Московская Русь знала и такой институт, соответствующий по своей юридической природе западноевропейской коммендации, как закладничество. Сходство закладников с коммендатами усиливается тем обстоятельством, что те и другие поступали под защиту сильных людей нередко со своей землей. Итак, заключает Рожков, «в Московской Руси XVI века были налицо все элементы, из которых сложился средневековый феодальный строй: поместье – бенефиций, льготы – иммунитеты и закладничество –

коммендация. Однако эти зародыши феодализма так и остались в зачаточном состоянии, а затем и совершенно исчезли в нашем отечестве. В русской социально-политической жизни XVI века произошел резкий перелом, не оставлявший места дальнейшей аналогии с западными порядками».¹

Рожков выделяет две основные формы феодализма: феодализм обычного типа и муниципальный феодализм. В свою очередь, феодализм обычного типа распадается на три вида: французский, английский и русский. Наиболее распространенным и вместе с тем классическим, законченным видом Рожков считает французский феодализм. Характерными чертами классического западноевропейского феодализма являются переход к денежному хозяйству с резким разделением страны на местные, узкие, замкнутые рынки при господстве земледелия; прикрепление крестьян к земле; гильдейское и цеховое устройство торговли и ремесла; феодальная иерархия; феодальные, вотчинные начала в сфере государственного управления.² Русский тип феодализма, согласно теории Рожкова, отличался сохранением отсталых, недоразвитых форм. Хозяйство оставалось натуральным, товарно-денежные отношения, ремесла, внутренняя и внешняя торговля находились в зародышевом состоянии. Помимо феодализма обычного типа Рожков выделяет так называемый муниципальный феодализм, который якобы дополняет обычный, удовлетворяя потребности последнего в товарном обмене. По Рожкову, муниципальный феодализм, сложившейся в Новгороде и Пскове, в итальянских торговых городах и Ганзе, характеризуется преобладанием транзитной торговли, однако и земледелие играет важную роль. Крупное землевладение, крупная торговля, кредит, ростовщичество, соединяясь в руках одного класса, выдвигали на первый план муниципально-феодальную аристократию. Муниципальный феодализм, при сравнении его отдельных разновидностей, является более однообразным. Единственное отличие — некоторая недоразвитость русского муниципального

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 77.

² Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении [Текст] / Н. Рожков. - Пг. - М., 1922. - Т.2. - С. 415 - 416.

феодализма, связанная с господством натурального хозяйства. Рожков делает вывод, что, достигнув высшей точки своего развития, феодализм «начал разлагаться, вступил в полосу разрушения, падения».¹ Рост товарно-денежных отношений в схеме Рожкова служит предпосылкой перехода к новому периоду – периоду дворянской революции. Ученый выделяет три этапа (или, по терминологии, Рожкова – «три момента») дворянской революции: первый, начальный – вторая половина XVI века, главным образом царствование Ивана Грозного, второй, промежуточный – Смутное время и его последствия; и, наконец, третий, заключительный – реформы Петра Великого в первой четверти XVIII века². Основные черты экономических отношений первого этапа дворянской революции определялись им следующим образом: быстрый переход к товарному хозяйству с обширным рынком, к торговому капитализму; выдвижение на первый план дворянства вместо боярства; создание основ самодержавия и бюрократии; постепенное закрепощение крестьян. Таким образом, очевидно, что в действие вступает третья отрасль хозяйственной деятельности (после добывающей промышленности и земледелия) – торговля; торговый капитализм становится экономической основой нового периода, только его носителем оказалось дворянское крепостное хозяйство в качестве господствующей формы хозяйства рассматриваемого периода. Торгово-капиталистическая – по экономическому признаку, дворянская – по социальному, самодержавная – по политическому – такова характеристика эпохи по Рожкову. Второй этап дворянской революции в России, «эпоха отдыха и залечивания ран, органического усвоения и укрепления тех достижений, какие явились результатом первого момента».³ Продолжалось развитие торгового капитализма, складывается новый тип среднего и крупного дворянского хозяйства, работавшего в значительной степени для рынка, окончательно сформировались крепостные сословия.

¹ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении [Текст] / Н.Рожков. - Пг. – М., 1922. - Т.2. - С. 418.

² Там же. - С. 270.

³ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 5. - С. 272.

Третий этап революции – петровская реформа. В этот период происходит бурное развитие мануфактур, кустарной и ремесленной промышленности, разворачивается меркантилистский протекционизм. Дворянство, организуясь как класс, окончательно вытесняет боярство.

Основную черту сходства между всеми странами, пережившими дворянскую революцию, Рожков видит в том, что все они испытали переход к торговому капитализму, когда крупный капитал в разных видах начинает играть главную роль в обмене. Но это сходство сопровождалось некоторыми отклонениями от общей нормы, прежде всего в России: «везде это был переворот, хозяйственная революция, но нигде она не была столь резкой и крайней именно в России; и потому нигде не было того тяжкого экономического кризиса, какой произошел в России».¹ Причина столь ужасного кризиса – юридическая перестройка форм землевладения не соответствовала новым хозяйственным условиям.² Отсталость землевладельческих форм вытекала из отсталости русского феодализма и феодального хозяйства по сравнению со странами Западной Европы.

Дворянская революция во всех странах была критическим периодом, историческим переломом, который дал перевес, господство в обществе дворянству, пришедшему на смену старой феодальной аристократии. После того, как эта революция завершилась, начался органический период полного господства дворянства, который с легкой руки французов получил название «старый порядок». Этот период в русской истории длился 130 лет – с 1725 по 1855 г. (в Европе старый порядок завершился в 1825 г.), но из них только первые 80 лет, по утверждению Рожкова, представляли собой некоторое поступательное движение. В результате изучения эпохи господства дворянства Рожков приходит к следующим выводам: во-первых, хозяйство характеризуется органическим развитием торгового капитализма, преобладанием сельского хозяйства, заметными успехами индустрии, сохранением крепостных форм хозяйствования; во-

¹ Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении [Текст]. - Пг. – М., 1923. - Т.6. - С. 277 – 278.

² Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т.6. - С. 278.

вторых, устройство общества в этот период отличается широким и строго организованным развитием сословности, в-третьих, происходит значительное укрепление самодержавия и бюрократии; в-четвертых, отставание России от европейских стран все более увеличивается.¹

Переход от «старого порядка» к новым буржуазным отношениям происходил в кратчайшие сроки – с 1825 по 1860 гг., при этом Рожков отмечает общие закономерности этого процесса.

1. Во всех странах без исключения буржуазные революции на первом этапе опирались на широкую социальную базу, объединяющую все оппозиционные и революционные силы. 2. Несмотря на коалицию революционных сил, каждая из них с первого момента относилась к революции по-своему, в соответствии со своими классовыми интересами. 3. В классическом типе буржуазно-демократической революции победа на высшем этапе развития событий достается низам мелкой буржуазии. 4. Буржуазная революция, как правило, заканчивается разгромом, крушением, основной причиной которого является несоответствие создаваемых победоносной революционной силой порядков развитию производительных сил буржуазного строя.²

Реформы 60-х годов XIX в. определили переход к эпохе производственного капитализма, который отличает частная собственность на землю и капитал, отсутствие планомерной организации и классовое разделение общества. Рожков выделяет четыре типа производственного капитализма: англо-американский, северо-германский, французский, южно-германский. Капиталистическое хозяйство не остается неизменным, оно развивается, переживает важные перемены. Рожков различает два периода в его развитии – период первоначального накопления капитала и период расцвета капитализма. В первый период происходит жесточайшая эксплуатация пролетариата, не организованного в рабочие союзы и не сумевшего защитить себя. Период расцвета характеризуется капитализацией и концентрацией производства, которые организовали рабочий класс, помогли ему сомкнуться в профессиональные рабочие союзы, создать политические партии.

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 7. - С.272 - 273.

² Там же. - Т. 8. - С. 256 - 259.

Ведя классовую борьбу, пролетариат добился серьезных успехов: появилось рабочее законодательство, выросла заработная плата, улучшились условия труда и быта. Капитализация, констатирует Рожков, создает условия для подготовки и проведения социальной революции. Но было бы ошибкой думать, что капитализм автоматически создает предпосылки для перехода к социалистическому обществу. В работе «Капитализм и социализм» Рожков заявляет: «...нет еще необходимых для успеха социальной революции условий: капитализация производства еще не дошла до того, чтобы обеспечить обществу достаточное для социализма количество богатств, а концентрация далеко еще не развилась до такой степени, чтобы сделать сознательным и объединить весь рабочий пролетариат. Социальная революция возможна только при превосходных машинах и способах производства, обеспечивающих за обществом несметное количество необходимых и полезных вещей, и при полной сознательности и единстве рабочего класса. Ни того, ни другого пока нет, потому то и социальная революция пока невозможна».¹

В определении Рожковым революции есть четкая тенденция – он говорит о необходимости материальной зрелости общества и при этом не упускает из виду субъективный фактор. Однако решающее значение в развитии исторического процесса историк придавал эволюции. Не случайно Рожков рассматривал революцию как «ускоренную эволюцию».² Только в результате мировой войны 1914 – 1918 гг. исключена была возможность дальнейшего мирного, безбурного эволюционного процесса в России, потому что «реакция не имела достаточного времени для осуществления своих планов».³

¹ Рожков, Н. Капитализм и социализм [Текст] / Н.Рожков. - М., 1917. - С. 34.

² Рожков Н. Русская история [Текст]. - Т. 1.- С. 11.

³ Там же.

Глава IV. Н. А. Рожков и его модель типологизации характеров

§ 1. Классификация психических характеров и ее значение для исторической науки

В соответствии с представлениями о единстве исторического процесса, закономерности и познаваемости общественного развития Рожков уделял большое внимание анализу связи явлений в истории. Он считал, что все «отдельные явления в жизни природы и человеческого общества связаны друг с другом, образуют одно целое, одни явления развиваются из других. Если бы мы взяли какое-нибудь явление отдельно от других, мы не в состоянии были бы его правильно понять».¹ Крупнейшим достижением исторической науки своего времени Рожков считал выделение двух типов связи явлений и процессов в прошлом – эволюционной и причинной.

Эволюционную связь Рожков понимал как генетическую, суть которой выражается в органической последовательности и взаимосвязи различных форм и этапов развития одного и того же явления или процесса. «В обществе, как и в природе, - отмечает историк, - нет ничего совершенно изолированного, стоящего вне связи с другими явлениями, обособленного, являющегося вдруг, по мановению какой-то волшебной силы: все подготавливается последовательно и постепенно, для всего существует прецеденты и зачатки».² Рожков считал, что все изменения, которые происходят в обществе, генетически связаны с каким-то явлением в прошлом. В каждый период развития общества в нем имеются как господствующие, доминирующие черты, характерные именно для данного времени, так и новообразования, которые подготавливают будущее. При этом они возникают и развиваются именно в явлениях родственных. Это справедливо по отношению

¹ Рожков, Н. Капитализм и социализм [Текст]. - С. 3.

² Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч.1. - С. 6.

по всем сферам общественной жизни – экономической, социальной, политической и духовной. Данный тип взаимосвязи и развития явлений и процессов в истории Рожков называет эволюцией, расшифровывая ее как «известный ряд фазисов в неизбежной и необходимой последовательности», которые проходит явление или процесс, развиваясь в силу присущих или внутренних свойств, на основе собственных ресурсов.¹

Вторым типом связи в истории является связь причинная. Рожков отвергает метафизическую точку зрения, сводящую причинность к неизбежной и необходимой последовательности двух явлений. Представители этого направления в социологии выдвигали в качестве основной причины тот или другой элемент общежития, например, естественный фактор. Еще в XIII в. Боден говорил о воздействии климата на общественную жизнь, Риттер и Гумбольдт продолжили его изыскания, создав так называемую антропогеографию, науку об изучении влияния природы на человека. По мнению Рожкова, это тупиковый путь в исторической науке. «Самое большое, что дает природа, это такие естественные условия, которые делают более легким то, а не другое направление общественного развития: она не обуславливает с необходимостью этого направления, а только создает известную возможность, осуществление которой в действительности зависит от других условий».² Отвергает Рожков и «индивидуалистический» подход в объяснении исторической причинности, сущность которого – в признании ведущей роли личности в истории. Полемизируя с представителями данной точки зрения, Рожков отмечает, что «появление на свет той или другой личности и ее дальнейшая судьба есть нечто такое случайное, что научно объяснить необходимость этого появления невозможно, не впадая в фатализм, а фатализм и случайность – две крайности, которые делают одинаково невозможной

¹ Рожков, Н. Несколько спорных социологических вопросов [Текст]. - С. 84.

² Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 168.

плодотворную научную работу...Исторический результат деятельности личности, взятой изолированно, ничтожен».¹

Личность, даже самая гениальная, дает только толчок в развитии, но это развитие зависит не от ее воли, а определяется историческими условиями прошлого и потребностями настоящего. Рожков солидарен с позицией марксистов, которые считают необходимым изучать не психологию отдельного лица и не психологию «человека вообще», а «психологию социальной группы, члены которой связаны между собой одинаковыми хозяйственными интересами».²

Целый ряд социологов и историков признавал главным причинным элементом жизни общества психологический процесс. Этот взгляд решительно выражен Тэнном и его последователями: Лакомбом, Уордом, Лебоном, Гидденгсом, Лампрехтом и др. При этом они ссылаются на Конта и Милля, установивших известную иерархию абстрактных наук, согласно которой психологии отводится важное место в этой классификации. Исследователи попытались объяснить исторический процесс с позиции психологической мотивации. Так, Лакомб насчитал шесть мотивов, которые, по его мнению, влияют на ход общественного развития: экономический, половой, симпатический, мотив чести, художественный, научный. Однако данный метод исторического познания крайне несовершенный, ибо он не позволяет учесть всю совокупность факторов, воздействующих на общественное развитие.

Первоочередной задачей социальной психологии Рожков, вслед за Д. Миллем, считал разработку этологии, или учения о характере. Абстрактная психология имеет дело с человеком вообще, с отвлеченной человеческой личностью, воплощающей в себе духовные свойства, в одинаковой мере присущие всем людям. Однако в практической жизни, в реальности все значительно сложнее. «Нет двух человек, психическая природа которых была бы совершенно одинакова, хотя бы то были даже и близкие родственники, выросшие и воспитанные притом в одной

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 170.

² Там же. - С. 176.

и той же среде».¹ Тем не менее, убежден Рожков, при всем многообразии и сложности духовного склада индивидуума можно «разгруппировать отдельные лица по их типическим признакам, другими словами, отвлекая общие духовные свойства, отличающие известную группу людей, объединить эту группу в одно целое, в тип или характер».² Этология, таким образом, служит связующим звеном между психологией и конкретной действительностью.

Н. Рожков устанавливает шесть основных психических типов: эгоисты, индивидуалисты, эстетика, этики, аналитики, этические индивидуалисты. Материал для классификации типов он черпает из художественной литературы, которая отличается от научного труда тем, что «цель первого конкретное изображение действительности, тогда как задача второго – абстракция, вывод общих отвлеченных идей, воплощенных в реальной жизни».³ Художественные типы – не ходячие общие идеи, а изображения живых личностей, с их индивидуальными особенностями, заключающие в себе «типические, общие образы, характеризующие в сущности не отдельное лицо, а целую группу лиц одинакового психического склада».⁴

Каким же образом возникают психологические типы? На этот вопрос Рожков не дает определенного ответа. Объяснить происхождение характеров непосредственно окружающей средой, по мысли ученого, невозможно: «отношение между социально-экономической средой и развитием индивидуальности очень сложно и глубоко».⁵

Рассмотрим выделенные ученым психологические типы. Людей, для которых главное в мире – свое «я», Н. Рожков делит на два вида: эгоисты и индивидуалисты. Но между ними существует принципиальное различие. Эгоисты недоброже-

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 185.

² Там же. - С. 185.

³ Там же. - С. 192.

⁴ Там же. - С. 222.

⁵ Рожков, Н. Индивидуалистические и эгоистические характеры [Текст] / Н.Рожков // Образование. - 1902. - № 11. - С. 42.

лательны к другим людям, ставят себя выше всех, им свойственны чувства и желания грубые, низменные. Эгоисты трусливы и в то же время жестоки. И в жизни, и в литературе легко можно найти множество олицетворений этого типа, но наиболее ярким его представителем, по глубокому убеждению Рожкова, является главный герой гоголевских «Мертвых душ» Чичиков. Его честолюбие было невысокого ранга: «Чин, достаток, самое обыкновенное общее расположение без всякой сердечности и искренности, довольное, сытое, животное состояние – вот венец всех его стремлений».¹ Чистые эгоисты отличаются развитием низших эгоистических чувств, особенно таких, как корыстолюбие и страх. Вся жизнь Чичикова была посвящена приобретательству: «для этого он предпринял свою поездку за мертвыми душами, для этого он кривил душой на службе... Во всех его поступках, начиная с раннего детства, сквозила чрезвычайная расчетливость и элементарная, грубая практичность в денежном отношении».² Еще более выдающимся свойством Чичикова была его грубость: «уличный в покупке мертвых душ, он униженно ползает на коленях, чтобы избежать наказания».³

В чувстве страха, в отличие от инстинктивной и смутной боязни, есть интеллектуальный элемент не в виде только представления, автоматически будящего слепое влечение, а в виде ассоциации, возникающей в силу воспоминания определенной опасности от данного или в чем-либо подобного ему существа, предмета или явления.

В гармонии со всем этим находилась и сильно развитая у Чичикова любовь хорошо и плотно покушать, проявлявшаяся за обедами и у Собакевича, и у Коробочки, и даже в дорожных трактирах. Этические чувства у эгоистов крайне не развиты и отличаются чрезвычайной слабостью. Для Чичикова кажется странной сама мысль о возможности моральных проблем и стремления к их разрешению. У него не было «ни друга, ни товарища в детстве... Чичиков не знал даже обыкновенного

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 234.

² Там же. - С. 235.

³ Там же.

сострадания к чужим несчастьям, даже к несчастьям известных ему людей, которым он был многим обязан».¹ Низменно-эгоистической окраской отличалось у Чичикова и величайшее из этических чувств, любовь: «о «бабенке» он мечтал как о необходимом житейском удобстве».²

Преобладание низших эгоистических чувств не создает благоприятных условий для развития эстетического вкуса, чувства красоты в различных ее проявлениях. Чистый эгоист, по утверждению Рожкова, менее всего эстетик. Искусство, музыка, поэзия, живопись, архитектура, театр не увлекают его. Единственное, что еще заботило или, по выражению Рожкова, «указывало на слабый отблеск» какого-то стремления к красоте у Чичикова, это его забота о собственном костюме.³ Завершая портрет Чичикова-эгоиста, Рожков отмечает: «скупость содержания эмоциональной жизни неизбежно отражается в сфере ума. Ум Чичикова не был и не мог быть разносторонним... Способностей к какой-нибудь науке не оказалось».⁴ Зато в тех случаях, когда уму Чичикова приходилось сталкиваться с чисто практическими, привычными для него делами, результаты получались очень хорошие: «Его воля была всегда сильна и прямолинейна».⁵

Типичным представителем этой же категории людей является Елизавета Сергеевна из повести М. Горького «Варенька Олесова». Красивая и изящная героиня Горького – родная сестра по духу Чичикова. В характере Елизаветы Сергеевны – чрезвычайное себялюбие и пренебрежительное отношение к другим. Чужие достоинства, например, красота и молодость Олесовой, ее раздражают. Внимательность к собственным материальным интересам составляла также отличительную черту характера Елизаветы Сергеевны, «свидетельствующую о

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 236.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. - С. 237.

⁵ Там же.

большом развитии у нее низших эгоистических чувств».¹ Трусость также свойственна ей: она жалуется брату на дерзость и грубость мужиков, но не подает жалобу земскому начальнику, «понимая, что на этой почве могут расцвести такие огненные цветы... пожалуй, в одно прекрасное утро проснешься только на пепле своей усадьбы».² Этические чувства развиты у Елизаветы Сергеевны крайне слабо. В этом отношении особенно знаменательны ее рассуждения о любви и браке. По ее словам, «любовь – это победа того, кто любит меньше, над тем, кто любит больше...я победила и воспользуюсь плодами победы»; «брак должен быть разумной сделкой, исключающей всякий риск». Сильных родственных привязанностей, чувства дружбы, сострадания к чужому горю Рожков у Елизаветы Сергеевны не находит. Она склонна к здравому скептицизму, презирает одинаково и идеалистов, и декадентов, и материалистов. Наукой, по ее мнению, надо заниматься только в том случае, «если она дает нечто положительное...приятное вам».³

Подводя итог исследованию эгоистических характеров, Рожков резюмирует: «В области чувства они (эгоисты – Г.К.) отличаются большой напряженностью низших эгоистических чувств... при крайней слабости или даже полном отсутствии чувств этических и эстетических, общественных и религиозных. Субъективизм и практическая наблюдательность ума и решительность воли, направленной на достижение узких эгоистических целей низшего порядка, дополняют эту печальную психологическую картину».⁴

«Доброжелательных» эгоистов Н. Рожков называет индивидуалистами, к которым он относит Вронского из романа Л. Толстого «Анна Каренина» и Вареньку Олесову из одноименного произведения М. Горького.

Индивидуалисты доброжелательны, ценят личное достоинство человека; им свойственны не грубые, элементарные,

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 239.

² Там же. - С. 239 – 240.

³ Там же. - С. 241.

⁴ Там же.

а сложные чувства, например, честолюбие, сѣмоуважение, переходящее в самоуверенность. Всепоглощающее чувство сѣмоуважения – основная черта Вронского. Все остальные особенности характера Вронского объясняются из нее. Отсюда происходило его честолюбие: это «была старинная мечта его юности, которая была так сильна, что и теперь эта страсть боролась с его любовью».¹ Этим объясняется и жажда впечатлений и новизны. В то же время Вронскому чужды низменные эгоистические чувства, в частности, чувство страха.

Эстетические чувства Вронского находились, по выражению Рожкова, в полной гармонии с основной чертой его характера. «То, что требует идеальных порывов, неопределенных, неясных ощущений, как поэзия, музыка, даже театр, - мало привлекало Вронского, но он с интересом занимался архитектурой».²

Переходя к изображению этических чувств, Рожков обращает внимание на то, что те из них, которые находились в непримиримом противоречии с сильно развитыми высшими эгоистическими чувствами, не были свойственны Вронскому. Так, он не стремился к поиску нравственного идеала, не искал разрешения сложных моральных проблем. Семейные чувства не играли в его жизни никакой роли: «он не только не любил семейной жизни, но в семье он представлял себе нечто чуждое, враждебное, и всего более - смешное».³ Чувство дружбы не было чуждо Вронскому, но теплых дружеских отношений с кем-либо он не поддерживал, предпочитая простые, ровные отношения со всеми.

Ту же резко выраженную эгоистическую окраску имели и общественные чувства Вронского. Общественными делами он интересуется, но ему важны не интересы общего блага, а собственные потребности, новизна ощущений. В своей деревне, например, он построил роскошную больницу и сам же объяснял

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 223.

² Там же. - С. 224.

³ Там же.

мотивы своего поступка следующим образом: «так, я увлекся».¹ Ум Вронского имел две сильные черты – наблюдательность и практичность. «Там, где дело шло до доходов, продажи лесов, хлеба, шерсти, отдачи земель, Вронский был крепок, как камень и умел выдерживать цену».² Сила воли у индивидуалистов чрезвычайная. У Вронского существовал свод правил, определяющих, что должно и не должно делать, и он «никогда, ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно».³

К данному типу индивидуалистов принадлежит и Варенька Олесова. Эгоистические чувства у нее сильно развиты, но особо выделяется чувство самоуважения, склонность всегда и во всем ставить на первый план свою личность, свои вкусы, желания и стремления. С непосредственной твердостью, со спокойной уверенностью она была всегда верна себе, своим склонностям и привычкам: «по лицу ее было видно, что с ней бесполезно спорить».⁴ Ничем не стесненная самостоятельность была для Вареньки Олесовой необходимостью, настоящей потребностью. Как и Вронскому, Вареньке было в высшей степени свойственно чувство физического удовлетворения собой: «ее глубокие глаза сверкали ясной радостью. Здоровьем, свежестью, бессознательным счастьем веяло от нее».⁵ Понятно, что из всего этого естественно вытекало пренебрежение Вареньки к другим, особенно к тем, кто не обладал теми свойствами, которые составляли ее отличительную черту. Это видно из ее жестких характеристик окружающим людям: «Нет! Знаете, ужасно мало на свете интересных людей... Все такие пришибленные, неодушевленные, противные»; «я думаю, что люди были бы все интересны, если бы они были...живее...да,

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 225.

² Там же.

³ Там же. - С. 227.

⁴ Там же. - С. 228.

⁵ Там же.

живее! Больше бы смеялись, пели, играли...были бы более смелыми, сильными...даже дерзкими...даже грубыми».¹

Другое эгоистическое чувство - честолюбие - проявляется у Вареньки не столь сильно, как у Вронского, но оно все же существует в виде желания нравиться людям. Она гордится тем, что все ее любят: отец, тетка, слуги. Жажда новых впечатлений, страстное стремление к разнообразию ярко выражены в характере Вареньке Олесовой: «вообще против течения интереснее ехать, потому что гребешь, двигаешься, чувствуешь себя». Но особенно любопытно следующее высказывание Вареньки: «мне кажется иногда, что лучше всего жить вот так, в тишине. Но хорошо и в грозу...ах, как хорошо! Небо черное, молнии злые, темнота, ветер воет...в это время выйти в поле и стоять там и петь - громко петь или бежать под дождем против ветра».²

Подобно тому, как природе Вронского были чужды низшие, унижающие человеческое достоинство эгоистические чувства, - корыстолюбие и страх, - они не свойственны были и Вареньке Олесовой. Когда она в день своего рождения сбежала из дому от приехавших ее поздравить женихов и Ипполит Сергеевич спросил ее, не боится ли она мнения женихов о ее поступке и вообще ее поведении, ответ Вареньки был лаконичен: «я? их? тихо, но гневно спросила она».³

Но ни в коем случае нельзя сказать, что эстетические чувства были совершенно чужды Олесовой, отнюдь нет. Однако ей доступно было лишь чувство внешней красоты. Изящной литературы, поэзии Варенька совсем не ценила: она искала в ней ответы на свои личные запросы, отклика на собственные настроения.

Половой инстинкт - психологический зародыш нравственных или этических чувств. С ним непосредственно связаны родительские и вообще родственные чувства и любовь, связывающая людей обоего пола. Любовь к мужчине составляет несомненную потребность сильной природы Вареньки Олесовой,

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 229.

² Там же.

³ Там же. - С. 230.

но это чувство отличается у нее крайним индивидуализмом. По ее словам, «мужчина должен быть высок, силен; он говорит громко, глаза у него большие, огненные, и чувства смелые, не знающие никаких препятствий. Пожелал и сделал – вот мужчина!»¹

Сопоставляя две приведенные выше характеристики, Рожков намечает общие типологические черты индивидуалистов. В области эмоциональной они сводятся к господству высших эгоистических чувств, к развитию чувства внешней красоты, лишенного творческого вдохновения; ум у индивидуалистов отличается субъективизмом, а воля – непреклонной решимостью.²

Возможны и смешанные психические типы на основе сочетания различных характеров. Так, ибсеновскую Гедду Габлер Н. Рожков характеризует как эстетическую эгоистку, а Ф. Лассала – как этического индивидуалиста. У Гедды Габлер крайне развиты эгоистические чувства. Она избалована, имеет привычку к роскоши, нуждается в том, чтобы на нее обращали внимание, ухаживали за ней. Гедда не скрывает своего пренебрежения к общественному положению и бедности мужа: «во всем виноваты те низменные условия, в которые я попала. «Они-то и делают самую жизнь такую жалкою, просто-напросто смешною».³ Гедда Габлер не корыстолюбива, не испытывает жажды приобретения. Эстетические чувства у нее развиты достаточно сильно. Гедда любит изящную обстановку, обожает музыку, стремится к красивым поступкам. Узнав о самоубийстве Левборга, она с пафосом восклицает: «наконец, хоть один подвиг! Я говорю, что во всем этом есть красота», но, услышав, что Левборг выстрелил себе в живот, Гедда раздражена: «Ах, это смешное и пошрое, которое, точно проклятие, ложится на все, к чему я ни прикасаюсь!».⁴

В то же время этические чувства не свойственны природе Гедды Габлер. У нее нет никаких родственных привязанностей. Теток своих встречает она холодно, называя их на «вы»; с гневом

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 231.

² Там же. - С. 233.

³ Там же. - С. 242.

⁴ Там же. - С. 243.

отмечает даже самую возможность иметь детей: «у меня нет к этому решительно никаких наклонностей; ни к чему, налагающему на меня обязанности».¹

Гедда Габлер умна, хотя ум ее субъективен и использует она его в сугубо личных целях. Гедда обладает решительной волей, что доказывается самим фактом ее самоубийства.

Завершая портрет ибсеновского персонажа, Н. Рожков обращает особое внимание на отличительные черты характера людей смешанного психического типа: «преобладание эгоистических чувств и сильное развитие эстетического вкуса, атрофия этических эмоций, общественных и религиозных чувств, вполне естественная и в эгоистах и в эстетиках, несколько большая, чем у чистых эгоистов, разносторонность ума и достаточная решительность ума».²

К сложному типу психологического характера Рожков относит и Ф. Лассалья, у которого этические и индивидуалистические чувства находятся в равновесии. Индивидуалист ставит собственные интересы и потребности выше всего на свете, у него сильно развиты и господствуют над другими эмоциями эгоистические чувства. У Лассалья эгоизм развит и проявляется невероятно сильно; чувства самоуважения и честолюбия также свойственны его натуре. Лассаль постоянно любит себя, с удовольствием откликается на похвалы окружающих, наделяет себя необыкновенными талантами. С радостью записывает он в свой дневник похвалы доктора Шиффа его остроумию и отзывы о себе одного знакомого: «вы прекрасный и остроумный малый не по летам».³ В тесной связи с высоко развитым чувством самоуважения находится необыкновенная склонность Лассалья к гневу. Вот как он описывает ссору с сестрой: «кипя яростью, я бросился на колени, заломил, как сумасшедший, свои руки и закричал с такой силой, что мой голос охрип: «Боже, сделай так, чтобы я не забыл никогда этого часа! Змея, заливающаяся крокодиловыми слезами! Ты

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1 - С. 243.

² Там же. - С. 244.

³ Там же. - С. 243.

пожалеешь об этом часе. Клянусь Богом! Буду ли я жить 50 лет или 100, я не забуду этого до смертного часа. Не забудешь и ты». От этого порыва сильной ярости я совершенно обессилел». ¹ Только два эгоистических чувства – чувство страха и корыстолюбие – были чужды Лассалю.

Важное место в духовной природе Ф. Лассалья занимает элемент этический. Чувства любви и дружбы были свойственны ему не меньше, чем потребность в нравственном житейском идеале. Этический человека всегда сострадателен, добр к другим людям, даже совершенно незнакомым ему. Но при всей страстности Лассалья в любви ясно проступает нравственный элемент: «мне кажется, я ни за что не пошел бы к продажной женщине, я должен восхищаться красотой женщины, должен любить ее или, по крайней мере, вообразить, что люблю. Я могу желать обладать только определенной женщиной, а не следовать грубому животному инстинкту». ²

Изучая эстетические чувства Лассалья, Н. Рожков отмечает двойственность характера философа: с одной стороны, он – эстетик, а с другой – индивидуалист. ³

Живопись, скульптура, архитектура и музыка имели для Лассалья меньше значения, чем поэзия и драматическое искусство. Ум Лассалья более объективен и отличался большей наблюдательностью, чем у людей этического склада. Таким образом, характер Лассалья позволяет Рожкову отнести его к тому типу людей, которых он называет «этическими индивидуалистами».

Интеллектуализм, подавляющий или нейтрализующий чувства, лежит в основе аналитического характера. Аналитиками, по Н. Рожкову, являются шекспировский Гамлет и А. Каренин. Исследователи отмечают необыкновенную силу гамлетовского анализа. Неутомимый ум Гамлета постоянно работает, «искрится» разнообразнейшими цветами остроумия. Философские вопросы привлекают внимание Гамлета; он

¹Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 214.

² Там же. - С. 216.

³ Там же. - С. 217.

обнаруживает больше познания в области теории в беседе с Горацио: «есть многое на небе и земле, что и во сне, Горацио, не снилось твоей учености».¹ А кому неизвестен удивительный по глубине мысли монолог «быть или не быть?».

Но при огромной силе мысли, при развитом уме, Гамлет не был холодным, бесчувственным человеком. Только у него постоянно идет борьба чувств, и ум всегда побеждает; он не дает эмоциям возобладать над собой. Чувство страха ему не ведомо: он смело идет за тенью отца и нисколько не боится смерти.

Этические чувства играют видную роль в духовной природе Гамлета. Он глубоко страдает от несовершенства мира, от отсутствия нравственного идеала. Сознание неизбежности торжества пошлости и безнравственности на земле преисполняет Гамлета скептицизмом по отношению к величайшему из этических чувств - любви. Любовь парализуется у него другими эмоциями, но она все-таки свойственна ему. Гамлет любит Офелию, любит глубоко и искренне: «сорок тысяч братьев со всею полнотою любви не могут ее любить так горячо».² Очень сильной была его любовь к отцу; скорбя по умершему родителю, он говорит: «ни траурный мой плащ, ни черный цвет печального наряда, ни грустный вид унылого лица, ни бурный вздох стесненного дыханья, ни слез текущий из очей поток – ничто, ничто из этих знаков скорби не скажет истины; их можно и сыграть, и это все казаться точно может. В моей душе ношу я то, что есть, что выше всех печали украшений».³

Эстетическое чувство, чувство красоты, любовь к искусству доступны Гамлету в высокой степени. Критические замечания актерам, режиссерская работа Гамлета отличаются большой тонкостью и глубиной: «особенно обращай внимание на то, чтобы не преступать за границу естественного. Все, что изысканно, противоречит намерению театра, цель которого была, есть и будет – отражать в себе природу: добро, зло, время и люди

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 247.

² Там же. - С. 248.

³ Там же. - С. 248.

должны видеть себя в нем как в зеркале».¹ Но в то же время Гамлет — не чистый эстетик: театром он пользуется, чтобы изобличить короля в преступлении и отомстить ему. Тем самым Рожков обнаруживает у Гамлета конфликт чувств, при этом трудно определить, которое из них сильнее. Причина раздвоенности духовной природы Гамлета — в слабости воли, крайней нерешительности. Это и составляет главный источник его страданий, внутреннюю трагедию шекспировского персонажа. Гамлет все время поступает не так, как хочет, а как велют ему обстоятельства. Он с болью в сердце сознает свою слабость, говоря: «я — презренный, малодушный раб, я дела чужд», «мне нужно основание potvrжде».²

Ярким представителем другой разновидности аналитического характера, преобладания ума над эмоциями вследствие крайней слабости последних, их ничтожества является Алексей Александрович Каренин из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Уже сама внешность Каренина свидетельствует о нем как о человеке необыкновенно уравновешенном, холодном, рассудочном. У него был «упорный и усталый взгляд», говорил он «холодно и спокойно», «медлительным и тонким голосом». Ум, расчетливость господствуют у Каренина над эмоциями: «каждая минута жизни Алексея Александровича была занята и распределена. И для того, чтобы успевать сделать то, что ему предстояло каждый день, он держался строжайшей аккуратности. Без поспешности и без отдыха — было его девизом».³ Однако ум у Каренина имел одну специфическую особенность: не воспринимать все то, что так или иначе связано с чувствами и переживаниями. Так, когда Каренин понял, что между Анной и Вронским возникли какие-то особенные отношения, он почувствовал, что «стоит лицом к лицу перед чем-то нелогичным

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 249.

² Там же. - С. 249 — 250.

³ Там же. - С. 251.

и бестолковым и не знал, что надо делать».¹ Любое душевное переживание Каренин считал вредным и опасным.

Среди всех эгоистических чувств Каренину близко было только одно – самолюбие. Оно заставляло скрывать даже небольшие проблески нежности и привязанности, на какие только он был способен. Чувство гнева было несвойственно расчетливому Каренину. Когда Анна прямо заявила, что любит Вронского, Алексей Александрович «не пошевелился и не изменил прямого направления взгляда, но все лицо его вдруг приняло торжественную неподвижность мертвого».²

Бедны у Каренина и этические чувства. Он руководствовался неким кодексом правил, общепринятой моралью и понятием о приличии. Зная о связи жены с Вронским, он решил приезжать к себе на дачу раз в неделю «для приличия». У Каренина не было привязанности к родителям: отца он не помнил, мать, умершая, когда ему было десять лет, тоже не задержалась в его сердце надолго. Любовь к женщине мало что для него значила; он долго колебался, прежде чем жениться.

Если этические чувства Каренина были слабы, то чувств этических у него совсем не было: «искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но, несмотря на это, или лучше вследствие этого, Алексей Александрович не пропускал ничего из того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом все читать. В области политики, философии, богословия Алексей Александрович не был силен, но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки у него были самые определенные, твердые мнения. Он любил говорить о Шекспире, Рафаэле, Бетховене, о значении новых школ поэзии и музыки, которые все были у него распределены с очень ясною последовательностью».³

Каренин занимал высокое положение в обществе, и это не случайно. Он не знает страстей, весь соткан из правил и приличий – типичный представитель высшей бюрократической машины. Но Каренин исполнитель и охранитель существующих порядков.

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч.1. - С.251.

² Там же. - С. 252.

³ Там же. - С. 254.

Завершая наблюдения над людьми аналитического склада, Н. Рожков отмечает: «Конечно, и ученые и мыслители бывают разные: в разряде цеховых ученых немало найдется и людей ограниченных и сухих педантов, во многом подобных Каренину, но истинный ученый, которому доступно и для которого составляет потребность творчество в области научной и философской теории, не должен и не может быть лишен чувства, потому что чувство во всех его проявлениях играет такую же первенствующую роль в духовной организации человека, какая принадлежит зрению среди других средств внешнего восприятия».¹

Такова полная классификация характеров в изображении Н. Рожкова. По его мнению, представленная классификация может и должна послужить мерилем «для понимания и истолкования психической эволюции обществ». При свете ее будет «понятна классовая психология каждой эпохи».² В этой характеристике психологической типологии общества ярко проявляется исторический монизм Н. Рожкова, связывающий его с марксизмом.

§ 2. Рожковская теория развития психических типов

Создавая теорию экономического монизма, Рожков полагал, что с ее помощью вполне можно объяснить любые общественные явления, в том числе и духовные, которые «до сих пор изучаются не с точки зрения научной закономерности, а с теологической, метафизической, эстетической и других точек зрения. В результате получились большой хаос и почти непроглядная тьма».³ Единственное средство упорядочить этот хаос - построить некую модель, за основу которой необходимо взять теорию развития психических типов. По мнению Рожкова, эта теория имеет два несомненных достоинства: во-первых, она

¹ Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст]. - Ч. 1. - С. 256.

² Там же. - С. 259.

³ Рожков Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 10.

органически связывает воедино все проявления духовной культуры; во-вторых, дает возможность точными и ясными формулировками выразить отношение духовной культуры к экономическому базису.

Будучи сторонником закономерности исторического процесса, Рожков был убежден в том, что в духовной сфере явления повторяются в соответствующие периоды развития обществ. «Психический тип – это то же в истории духовной культуры, что тип экономический в истории хозяйства, тип социальный в истории устройства общества, тип политический в истории государства: это – такое же объединяющее, обобщающее понятие, как, напр., «натуральное хозяйство», «капитализм», «сословный строй», «классовый строй», «абсолютизм», «конституционная монархия», «республика» и т. д. И как все эти понятия, будучи типами развития разных сфер общества жизни в различные периоды, в то же время вовсе не неподвижны, не инертны, подвергаются с течением времени эволюции и потому являются вместе с тем и степенями или ступенями развития, так это должно повторить и о психических типах». Понятие «психический тип» – это не фикция, не выдумка, а реально существующая категория, о чем свидетельствуют два источника, на базе которых может быть выявлена типология характеров. Одним из них является художественная литература, другим – научная психология. Ссылаясь на труды психологов, Рожков утверждает, что в каждом явлении духовной жизни есть элементы и интеллектуальные, и эмоциональные, и волевые, только в одних явлениях преобладают первые элементы, в других вторые, в третьих – последние. Анализируя эмоциональные чувства, Н. Рожков дает характеристику отдельным ее проявлениям. Эмоция недовольства – боязнь является психологической основой целой группы эгоистических чувств, направленных непосредственно на самосохранение. Сюда относится прежде всего страх, высшей степенью напряженности которого является ужас. Сознание бесполезности борьбы со злом или опасностью приводит к отчаянию и смирению, которые также относятся к той же категории эмоции, что и страх. Еще более сложными эгоистическими чувствами являются гнев, ненависть и зависть.

В отличие от эгоистических индивидуалистические чувства расширяют пределы собственного «я», побуждая человека к превосходству над другими, развивая «волю к власти». Индивидуалистические чувства, в трактовке Н. Рожкова, имеют своей психологической основой чувство довольства собой. Ассоциируясь с определенным предметом или представлением, довольство превращается в надежду, которая, в свою очередь, при определенных обстоятельствах, может развиваться в радость и восторг. Инстинктивная смелость таким же путем переходит в храбрость или мужество. Сознание собственной мощи ведет к чувству превосходства и высшей степени его проявления – самолюбию и честолюбию. Тягостное однообразие обыденной жизни порождает у людей индивидуалистического склада жажду разнообразия впечатлений.

Зародышем нравственных или этических чувств является половой инстинкт. С ним непосредственно связаны родительские чувства и любовь. Более сложными этическими чувствами являются такие категории, как дружба, симпатия, поиск морального идеала.

Теория развития психических типов напрямую связана с эволюцией человеческого общества. В психологии людей первобытного строя преобладают крайняя бессистемность, бесформенность, хаотический конкретизм, что объясняется, на взгляд историка, господством добывающей промышленности. Теснейшая связь проявлений духовной жизни дикарей с материальными и социальными условиями не подлежит сомнению. Чукчи, например, часто беспричинно боязливы, от любых мелких причин приходят в раздражение, как дети. Самая примитивная музыка сильно действует на коряков. Эта импульсивность, отсутствие способности контролировать и перерабатывать впечатления – в высшей степени характерны для дикарей.¹ Анимистические воззрения древнейших славян не подлежат сомнению так же, как и поклонение фетишам. В связи с фетишизмом развивается тотемизм – поклонение не отдельным конкретным существам и предметам, а целому роду их. Таким образом, хаотический конкретизм древнейших русских

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. I. - С. 69.

религиозных верований несомненны: они не «не складывались в какую-либо цельную картину», «были колеблющимися, непостоянными».¹

Хаотический конкретизм характеризовал и душевный склад древнейшего русского человека. Как в хозяйстве не было стройной системы, так не было ее и в психологии общества и отдельных лиц. Это обнаруживается даже в верхах общества. Так, княгиня Ольга – «мудрейшая из людей», но она «полудикарка»: она хитрит и с древлянами, и с византийским императором. Она жестоко расправляется с убийцами мужа и в то же время она – христианка. «Какая смесь разнообразных, противоречивых свойств!» - восклицает Н. Рожков.² Типичным представителем варварского общества является Святослав. Он прост, храбр, честен, прям – и в то же время перекаати-поле, искатель приключений и жаден. В подтверждении хаотического конкретизма, бессистемности древних варварских обществ Н. Рожков приводит факты из истории дофеодальных обществ Европы и Азии.

Общественная психология периода феодальной революции характеризуется существованием двух разноплановых тенденций: с одной стороны, старым хаотическим конкретизмом, господством грубых, элементарных инстинктов, с другой – образованием, зарождением новых характеров.

Говоря о хаотическом конкретизме, прежде всего необходимо отметить весомую роль в нравственных чувствованиях грубого инстинкта, стремления к грубым наслаждениям. «Мы имеем много известий о крайней распространенности пьянства и в древнейшей России, и на Руси X, XI, XII веков. Еще Ибн-Фадлан говорит о необыкновенно сильной склонности славян к пьянству». По свидетельству святого Феодосия Печерского, «пьянство доходило до того, что одни ползали на коленях, другие валялись в грязи и навозе, ежеминутно готовые испускать дух».³ Наряду с этим наблюдается чрезвычайная распущенность половых отношений: на Руси было распространено многоженство и часты были кровосмесительные

¹ Рожков, Н. Русская истории [Текст]. - Т. 1. - С. 93.

² Там же. - С. 95.

³ Там же. - С. 219.

браки. Предание о том, что у Владимира Мономаха кроме пяти законных жен было 800 наложниц, конечно, явное преувеличение, но оно отражает дух и нравственные традиции того времени. Высшие классы общества заводили необыкновенную роскошную обстановку, «купались» в золоте, носили одежды, украшенные жемчугом и драгоценными камнями, носили золотые гривны на шее, золотые обручи на руках, драгоценные пояса и т. д. В одном из церковных поучений XII века «Слове о богатом и убогом» нарисована такая картина нравов высшего общества: «богатый ходит в «багре и поволоке» (в пурпуре и шелках), кони его тучны, седла позолочены; когда он выходит из дому, перед ним идут и за ним следуют множество рабов в мониствах, обручах, золотых гривнах и роскошной одежде; во время обедов на золотой и серебряной посуде подаются тетерева, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, вепри; пьют вина, мед и квас; во время пиров играют на гусях и свирелях, забавляются шутами и «смехословцами» и пляской; спит богатый на шелковой постели».¹

Характерами, слагавшимися в то время в верхах общества, были личности, склонные к эгоизму, приобретательству, жадности. Таким был Владимир Мономах. В его натуре были добрые зачатки, он оказал большие услуги родине, разгромив половцев, но интересы личные, династические стояли на первом месте. Он, не колеблясь, направлял оружие против собственного народа. Во время усобиц Мономах взял город Минск, вырезав все население. Он не гнушался никакими средствами, отбирая у других князей владения, сосредоточив в своих руках к концу жизни три четверти всей Руси.² В скупости его нельзя было подозревать, но хозяйственность, практичность составляла одну из его характернейших черт. Известно, что он «творил весь наряд в дому своем», т. е. вел сам свое домашнее хозяйство. Ему не было чуждо честолюбие; в «Поучении детям» Мономах советует сыновьям быть гостеприимными, чтобы люди разносили добрую славу о них. Владимир гордится своими военными подвигами и

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 220.

² Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст]. - Ч. 1. - С. 161.

охотничьей удалью. Таким образом, при всех остатках старой дофеодальной морали и нравственности у Владимира Мономаха ярко проявляются черты эгоизма, практичности и стяжательства.

Наряду с активными эгоистами в период феодальной революции зарождаются и характеры пассивно-эгоистические, напрямую связанные с социальными условиями жизни, приучавшими бедных людей к терпению, смирению, покорности. Это подкреплялось и религией, в результате чего «получался тип смиренного, пассивного человека, достигавшего в сущности этим способом того же самосохранения, т. е. пассивного эгоиста с религиозно-моральной окраской».¹ Таков был Феодосий, игумен Киево-Печерской лавры.

Феодальная революция в концепции Рожкова сменяется органическим периодом – феодализмом. Усложнение форм хозяйства дает толчок к дальнейшему духовному развитию общества. Увеличивается число психических типов, проникающих и в народные массы, медленно, но неуклонно. В психологии правящих кругов удельной Руси доминирующей чертой по-прежнему является активной эгоизм. Коренными побуждениями верхушки общества являются личные интересы. Преобладание людей эгоистического типа напрямую связано с реальными условиями жизни: «господство земледелия повело к юридическому отвержению отношений человека к земле, подчеркнуло необходимость приобретательства; тот же основной экономический факт вызвал новые формы труда – крестьянскую аренду с ссудой или подмогой от землевладельца: опять подчеркнута необходимость капитала; далее: положение землевладельца при господстве земледелия преисполнено всякого рода опасностей: можно ожидать стихийных бедствий, неурожая, неуплаты оброка, отказа крестьян возратить ссуду, крестьянского побега и т. д., и т. д.; получается атмосфера постоянного, непреходящего страха. Не одни экономические, но и социальные условия действуют в том же направлении: в изучаемую эпоху слагаются классы с их противоположными интересами, а это питает отчуждение и эгоизм».² Таким образом,

¹ Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 1. - С. 221.

² Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - С. 203-204.

Н. Рожков пытается показать взаимосвязь личности с социально-классовой средой, в которой он обитает.

Наряду с эгоистами в эпоху феодализма начинают формироваться и индивидуалисты, к которым Н.Рожков причисляет монахов – Иосифа Санина и Вассиана Патрикеева, политических противников эпохи Ивана III. Вассиан, будучи учеником Нила Сорского, пошел дальше своего духовного наставника, придав учению «заволжских старцев политическую окраску, выкинув знамя борьбы за права боярства против самовластных замашек московских государей».¹ Не менее властным был и характер Иосифа Санина. Воспитавшись в монастыре Пафнутия Боровского, Иосиф основал Волоколамский монастырь и вскоре стал заметным общественным деятелем. Иосиф Санин активно поддерживал единодержавие и власть московских князей, преследуя при этом собственную цель – укрепление авторитета церкви.

Антиподами эгоистов являются люди этического склада. По утверждению Н. Рожкова, им не свойственны были чувства властолюбия, корысти, стяжательства. В феодальную эпоху к этикам причисляли церковных деятелей – проповедников религиозной морали. В России к ним принадлежали основатель Троице-Сергиевой лавры Сергей Радонежский и глава «заволжских старцев» Нил Сорский. Чувство страха переродилось у них в смирение; отсюда – удаление от мира, иночество. Это были чисто нравственные натуры, выработавшие в себе возвышенный идеал простой, скромной, трудовой монашеской жизни, проникнутой стремлением к нравственному самосовершенствованию. Но были люди этического склада, вышедшие из низов, резко протестовавшие против существующих порядков - Матвей Башкин и Феодосий Косой.

Наконец, в эпоху феодализма начинают складываться смешанные психические типы - этические индивидуалисты. Появляются они в Новгороде, их типичным представителем является новгородский посадник XIII века Твердислав Михалкович. Он – самолюбив и властолюбив и в то же время храбр и стоек. Индивидуалистический, а не эгоистический

¹ Рожков, Н. Обзор русской истории [Текст]. - Ч. 2. - С. 205.

элемент выступает на первый план в духовной природе Твердислава. «Стремление к нравственной правде», стойкость и принципиальность в политическом отношении, глубокая вера, «привязанность к семье», - все это черты, показывающие, насколько силен был в духовном складе Твердислава Михайловича этический элемент.¹

В отличие от России в Западной Европе в XIV – XV вв. начинает формироваться новая знать – дворянство и буржуазия, принесшая с собой черты предпринимательства, личной энергии, новаторства. Людям нового типа был характерен синтез эгоизма с индивидуализмом, особенно ярко представленного в образе барона французского происхождения Симона де Монфора.²

Четвертый период (пореформенная Россия, буржуазные государства Западной Европы) характеризуется полным расцветом денежного хозяйства, господством вольнонаемного труда, интенсивной техникой хозяйства.

На данном этапе черты психологического развития общества, столь ясно выразившееся в предыдущую эпоху, выступают с еще большей яркостью, но преобладающее влияние постепенно переходит к индивидуалистам и этическим индивидуалистам.

Новое дворянство оказалось более боярства приспособленным к условиям товарного хозяйства с обширным национальным и международным рынком, сплотилось в особое сословие, построило новую самодержавно-дворянскую государственность. В его психологии появляются новые черты: «определялись высшие запросы человеческой личности – жажда власти ради самой власти, независимо от материальных выгод, с нею сопряженных, стремление к разнообразию и богатству впечатлений, к наслаждениям не только физическим, но и умственным, и моральным, и эстетическим, честолюбие, чувство собственного достоинства, элементы интеллектуального чувства, желающего привести в систему все имеющиеся знания, создать науку как нечто цельное, единое, обобщающее».³ Однако в

¹Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 2. - С. 356.

² Там же. - С. 185-186

³ Там же. - Т. 5. - С. 220 — 221.

дворянской психологии сохранилось много пережитков старины, которые мирно уживались рядом с новообразованиями. По мнению Н. Рожкова, причина противоречивости духовного склада дворянства в том, что вся «материальная сторона дворянской культуры воспитывала в психологии дворянства именно каприз, своеволие, самодурство... вся дворянская жизнь насквозь была пропитана духом крепостничества».¹

Типические характеры дворянского общества, по Н. Рожкову, индивидуалистические эгоисты. К ним он причисляет князя М. Голицына, А. Меншикова, Петра Великого. Они соединяли в своем характере черты, типичные для нового дворянства с его душевными противоречиями, мирно уживавшимися в силу самодурства. Петр I крайне невоспитан, груб, распущен. «Он ел кушанья, беря их с блюда прямо руками, любил без меры «беседовать с Ивашкой Хмельницким», т. е. пить до полной потери сознания».² Петру была свойственна и моральная грубость и распущенность: в письмах к Екатерине постоянно встречаются самые «грубые, неприличные, недопустимые сальности; он без всяких стеснений делится с ней откровеннейшим образом ощущениями своими, испытывавшимися им от интимного общения с потерянными женщинами».³ В личной жизни Петр I был чрезвычайно расчетлив, даже скуп. Он носил скромный сюртук из грубого сукна, иногда заплатажные камзол, чулки и башмаки. Подчас эта бережливость переходила меру.

Петра Великого часто обвиняли в жестокости, однако, по утверждению самого императора, он заботился о своих подданных: «я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Ошибаются в том не знающие всех обстоятельств. Богу известно сердце и совесть моя, колико соболезнование имею я о подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государстве вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял... Честных,

¹Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 5. - С. 220-221.

²Там же. - С. 224.

³Там же. - С. 225.

трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловредных исправляю по необходимости. Пускай злость клеветец, но совесть моя чиста».¹ Петр I не был лишен моральных идеалов. Он не любил лжи, лести, хвастовства. В то же время для него были характерны и новые черты – властолюбие, любовь к славе, эстетизм. Рост индивидуализма приводит к рационалистическому истолкованию религии, к постепенному вытеснению религиозных интересов светскими.

Уделяя много внимания психологии дворянства, Н. Рожков не дает развернутой характеристики других классов общества – буржуазии, крестьянству, пролетариату. По уверению историка, при капитализме эксплуатация чужого труда не уменьшилась, а лишь приняла более «культурные формы», что сопровождалось расширением психологии господствующего класса. Буржуазия обогащается эстетическими, моральными, либеральными и радикальными элементами, в то время как эгоистические мотивы перерождаются в культурно-индивидуалистические.²

Психологическую характеристику крестьянства Рожков не смог подвести под свою классификацию и определил как настроение отчаяния, выразившееся в крестьянских бунтах и сектантских движениях.³

Несмотря на декларируемый Н. Рожковым классовый подход, его теория психических типов сводится к социальной психологии верхов и средних слоев. Народные массы на протяжении всей истории, согласно его взглядам, пребывают в психически аморфном состоянии, оказывая незначительное влияние на ход общественного развития.⁴

¹Рожков, Н. Русская история [Текст]. - Т. 5. - С. 226.

²Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении [Текст]. - Т. IX. - Пг. - М., 1926. - С. 150.

³Там же. - Т. X. - Пг.-М., 1926. - С. 368.

⁴Волобуев, О. В. Вопросы социальной психологии в трудах Н. А. Рожкова [Текст]. - С. 318.

Заключение

В развитии русской исторической науки к началу XX в. наметились позитивные перемены, связанные с расширением источниковой базы, поиском новых теоретико-методологических подходов.

Безусловно, определенное влияние на нее оказывала западноевропейская научная мысль, в частности, философские построения позитивизма, основателем которого считали О.Конта, хотя многие фундаментальные идеи он заимствовал у Сен-Симона.

Распространению философии позитивизма в России в немалой степени содействовала опубликованная статья Д.И. Писарева «Исторические идеи Огюста Конта» (1865). Взгляды этого философа привлекали внимание Н.И.Кареева, П.Н.Милюкова и др. русских ученых.

Одним из видных отечественных историков, внесших большой вклад в историческую науку, был Николай Александрович Рожков, жизнь и судьба которого отразили противоречия революционной эпохи. В исторической литературе ему давались диаметрально противоположные оценки: марксист, мелкобуржуазный революционер, меньшевик-ликвидатор, «экономический материалист», позитивист. Политические воззрения Н. Рожкова не совпадали с официальной позицией большевиков, за что Ленин предлагал партийному руководству выслать ученого из страны. С огромным трудом историку удалось избежать эмиграции и гибели в 20-е годы, однако его имя было надолго вычеркнуто из отечественной историографии.

В дореволюционной исторической науке не было попыток определить теоретико-методологической основы концепции ученого. Интерес к его научным, философским взглядам возник, главным образом, в современной России.

В исторической литературе отмечены серьезные достижения Рожкова-историка. Среди них понимание истории как единого и завершенного процесса; глубокое изучение экономических вопросов; обширная источниковая база; постановка новых, оригинальных проблем.

В философских построениях Н.А.Рожкова много внимания уделено вопросам сущности и характера человеческих знаний,

формам их организации. Ученый неоднократно отмечал, что потребность в приобретении знаний естественна для человека. Однако не всякое знание становится наукой. Этому превращению предшествует длительный этап накопления исторических фактов и теоретических наблюдений. Позаимствовав у О.Конта теорию классификации наук, Н.Рожков дополнил ее, разделив все базовые науки на теоретические и прикладные; при этом первые подразделяются на абстрактные и конкретные. Принимая тезисы позитивизма и вводя их в свои работы, Рожков не сводит научное познание к эмпиризму, не абсолютизирует ощущения исторического процесса. Получение эмпирического знания ученый считал лишь первым этапом процесса познания.

В опубликованном 12-ти томном труде «Русская история в сравнительно-историческом освещении» Рожков заявляет о себе как представителе «материалистического монизма в применении к истории». В основу своей концепции ученый положил теорию разделения исторической науки на две составляющие: социальную статику и социальную динамику, т.е. учение об обществе и теорию закономерности его развития. Это деление аргументируется им тем, что человеческое общество можно и нужно изучать в двух состояниях – в состоянии покоя (статика) и в состоянии движения (динамика).

В своих работах Н.Рожков утверждал единство исторического процесса. Под этим углом зрения он рассматривал и историю отдельных народов, и внутреннюю связь различных сторон и явлений общественной жизни.

Н.А.Рожков известен как прекрасный лектор и методист. Его «Методика преподавания истории» пользовалась большой популярностью среди педагогов и не утратила своего значения и в наши дни.

Несмотря на политические преследования, знания, опыт, организаторский талант Рожкова были признаны его оппонентами. В 1920-е годы вплоть до своей смерти он читал лекции в Академии коммунистического воспитания, Институте красной профессуры, Московском университете. В 1926 г. Н.А.Рожков был назначен директором Исторического музея.

Библиографический список

I. Сочинения Н. А. Рожкова

Рожков, Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1899.

Рожков, Н. А. Несколько спорных социологических вопросов (Отв. проф. Карееву) [Текст] / Н.А. Рожков // Образование. - 1899. - № 3. - С. 82-89.

Рожков, Н. А. Этические и эстетические характеры [Текст] / Н.А.Рожков // Образование. - 1900. - № 10. - С. 1-24.

Рожков, Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1905. - Ч.1. Изд.2-е.

Рожков, Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1905. - Ч.2. Вып.1.

Рожков, Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1905. - Ч.2. Вып.2.

Рожков, Н. А. Исторические и социологические очерки [Текст]: сб. статей/Н.А.Рожков. - М., 1906. В 2-х ч.

Рожков, Н. А. Основные законы развития общественных явлений (Краткий очерк социологии) [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1907.

Рожков, Н. А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России) [Текст] / Н.А. Рожков. - М., 1906. Изд. 2-е.

Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия в России [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1906.

Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики) [Текст] / Н.А. Рожков. - М., 1921 – 1926. Т. I – XII.

Рожков, Н. А. Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования [Текст] / Н.А.Рожков. - М., 1901.

Рожков, Н. А. Методика преподавания истории и история XIX века [Текст] / Н.А.Рожков. - Пг., 1918.

Рожков, Н.А. Основные задачи изучения Псковского края [Текст] // Познай свой край!: сборник Псковского общества краеведения /Н.А.Рожков. - Псков, 1926. Вып. 1.

Рожков о В.И.Ленине [Текст] // Исторический архив. - 2006. № 2. - С. 3-10.

Рожков, Н.А. Новейшая теория исторического познания [Текст] / Н.А.Рожков //Нижегородский сборник.1906. - С.-Пг., 1906. - С. 298-312.

Рожков, Н.А. История России за последнее столетие [Текст] / Н.А.Рожков. - Пг., 1918.

II. Рецензии на работы Н. А. Рожкова

Семевский, В. И. По поводу статьи г. Рожкова «К вопросу об экономических причинах падения крепостного права в России» [Текст] /В.И. Семевский // Русская мысль. - 1902. Кн. IV. - С. 120-137.

Кареев, Н. К вопросу о понимании истории (Возражение г. Н. Рожкову) [Текст] / Н.Кареев // Образование. - 1899. - № 2. - С. 63-68.

Ключевский, В. О. Академический отзыв об исследовании Н. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» [Текст] / В.О.Ключевский // Отзывы и ответы. Третий сборник статей В. Ключевского. - М., 1914. - С. 455 – 481.

Чехов, Н. Памяти Н. А. Рожкова [Текст] /Н.Чехов // Русская мысль. - 1902. Кн. IV. - С. 122-123.

Батин, П. Русская история в ее новейшей переработке [Текст] / П. Батин // Русское богатство. - 1902. - № 8. - С.1-15.

Волобуев, О. «Без гражданской войны нигде не обойтись» [Текст] / О.Волобуев // Родина. - 1992. - № 3. - С. 49.

III. Литература о Н.А. Рожкова

Нечкина, М.В. Русская история в освещении экономического материализма (Историографический очерк) [Текст] / М.В. Нечкина. - Казань, 1922.

Покровский, М.Н. Русская историческая литература в классовом освещении [Текст] / М.Н.Покровский. - М., 1930.

Научное издание

Кочешков Геннадий Николаевич

Теоретико-методологические взгляды Н. А. Рожкова

Монография

Редактор Л.К. Шереметьева

Компьютерная верстка – Ю. В. Машонина

Подписано в печать 15.12.2008

Формат 60×92/16

Объем 6 п.л. 4,6 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ 462

Редакционно-издательский отдел
Ярославского государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44